

Л. Осипова  
Е. Бабанова  
Л. Сартакова  
В. Сартаков

*Мы так  
привыкли  
жить...*

---

Из семейного архива

Ханты-Мансийск - 2026

Валентин Сартаков

**Мы так привыкли жить...**

«Автор»

2026

**Сартаков В.**

Мы так привыкли жить... / В. Сартаков — «Автор», 2026

Книжка не является точным документом. Она больше ориентирована на молодое поколение, поэтому здесь нет шаблонных безобразий, дешёвых откровений и прочего «привлекательного» дерьма, которым наша жизнь и без того переполнена. Публицистика здесь перемешана с художественным описанием и дневниковыми зарисовками.

© Сартаков В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                    |    |
|----------------------------------------------------|----|
| Глава                                              | 5  |
| Вместо предисловия                                 | 7  |
| Родная сторона                                     | 9  |
| Заветные места                                     | 10 |
| Трёхсотлетие села "Таскаево"                       | 12 |
| Заманчивый вид с балкона.                          | 14 |
| Как утвердить звание настоящего мужика?            | 19 |
| Свернём с большой дороги? (из жизни В.Н. Токарева) | 21 |
| Одной природой сердце не исправишь                 | 23 |
| В тени развесистых берёз (Лариса и Женя)           | 25 |
| Судьба - Железная дорога                           | 27 |
| Сазаны и подснежники                               | 29 |
| Дом культуры                                       | 31 |
| Сентябринки                                        | 34 |
| На заре туманной юности                            | 35 |
| Фотография                                         | 37 |
| Эта весёлая жизнь                                  | 40 |
| Записано со слов В.Ф. и Л.С. Афанасьевых           | 41 |
| Автомобиль – не только украшение                   | 44 |
| На танке                                           | 45 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                  | 46 |

# Мы так привыкли жить...

## Глава

### Оглавление

Вместо предисловия

#### ГЛАВА I

Родная сторона

Заветные места

Трёхсотлетие села "Таскаево"

Заманчивый вид с балкона.

Как утвердить звание настоящего мужика?

Свернём с большой дороги? (из жизни В.Н. Токарева)

Одной природой сердце не исправишь

В тени развесистых берёз (Лариса и Женя)

Судьба - Железная дорога

Сазаны и подснежники

Дом культуры

Сентябринки

На заре туманной юности

Фотография

#### ГЛАВА II

Эта весёлая жизнь

Записано со слов В.Ф. и Л.С. Афанасьевых

Автомобиль – не только украшение

На танке

Что общего между футболистом и врачом?

Школа

#### ГЛАВА III

По городам и весям

С высоты Тауэрского моста.

В Летнем саду

Скопление чудес античной старины...

В солнечном отрыве от воды...

Под звуки Бесаме Муча.

«Стоит над горою Алёша - ...»

Что можно отыскать на полуострове в Крыму?

Сергей – дальнобойщик

По дороге на Мадрид

#### ГЛАВА IV

Следы во времени

На одеяле осени оживших лоскутов?

Откуда доносится звук патефона?

Треугольная судьба

Стройка

Удача это, или просто – дача?

Следы истории нетленной

ГЛАВА V

Романтика

По романтическому сценарию советского времени

Все... Кина не будет... Электричество кончилось...

ГЛАВА VI

Праздники

Мы все учились понемногу

Татьянин день

«На что смотрю, про то пою» (Лариса написала эти стихи

Волшебство Нового Года (Женя. Воспоминания из детства)

Волшебство

Гирлянда

Ёлка

Игрушки

Открытка

Снежинка

Новогодние праздники

22 июня

ГЛАВА VII

Мои современники

Прогулка

ГЛАВА VIII

Здоровый образ жизни

В зыбком равновесии

Сноуборд или лыжи?

ГЛАВА IX

Судьбу не перепишешь

Мы так привыкли жить

Забывтая тетрадь

ГЛАВА X

Мысли вслух

Движение цивилизации

В медицине тоже все «люди, как люди»

Нам будто бы знаком этот сюжет

Конечно, отношения в семье и поиски своего я могут

Какие сами, такие и сани

Наблюдай и чувствуй

Гороскоп, невежество и детективы

Деградация, или особенность характера?

Шум времени

Собираясь в дорогу...

## Вместо предисловия

*Что толку нам в пустом забвении?*

*Забудешь всех, не вспомнят и тебя.*

*Свои приметы отыщи во времени,*

Узнай, пойми себя через года. Как не обратить внимание на «дела минувших дней», если впереди нас ждёт досадная неопределённость вечного существования. Любопытство к истории промелькнувших дней помогает по-новому увидеть настоящее. Знакомая с детства музыка наполняется новыми звуками и замирающим эхом прокатывается от наших первых шагов до шёпота осенней листвы.

По словам Л.Н. Толстого, «Точка по обеим сторонам прошлого и будущего и есть настоящая жизнь». Значит предпочтительней жить не прошлым, не будущим, а сегодняшним днём; но это настоящее мгновение состоит из наших больших и малых достижений, убегающих в мечту. Можем ли мы найти мудрое равновесие между этими тремя составляющими идеального пребывания на этом свете, ведь это всего лишь простенькая схема, оторванная от природных человеческих особенностей и недостатков, утверждённых самой природой, как необходимость противостояния горя и радости.

*Мир переменчив. От нахлынувшей обиды*

*Всегда рукой подать до света и тепла.*

Мы солнцу улыбнёмся и луна Раскрасит ночь в пастельные тона. Былое не изменишь, но ушедшие дни с годами выглядят по-разному, поэтому наша жизнь продолжается даже в далёком прошлом, в котором мы можем поступать так, как нам вздумается. Мы встречаемся и общаемся в своих мыслях со всеми, в ком можно найти понимание и особенный взгляд на происходящее независимо от настоящего, или прошлого времени. Всё это добавляет настоящего осознания необыкновенной ценности простой жизни, в которой мы продлеваем свой короткий век, прибавляем к нему ещё какие-то события, может переосмысленные, или выдуманные, но свободно существующие в нашем сознании вместе с другими именами и близкими людьми, к которым мы навсегда привязаны. Оглянувшись на жизнь своих родственников и друзей, мы можем с удивлением найти там частицу самого себя. Включив воображение, можно хотя бы на миг задержаться в том времени, раскрывающим тайны сегодняшнего дня. А пока мы стараемся рассказать о своих достижениях, с удовольствием показываем многочисленные снимки, где позируем на фоне

моря, исторической архитектуры, или находимся на одном из многочисленных праздников. Мы всегда, чем можем, подтверждаем своё бесценное существование и доказываем больше себе, чем окружающим, что живём вполне приличной жизнью. Как бы пафосно не звучала фраза «без прошлого нет будущего», незримая поддержка наших предков несёт в себе радость бытия, и светлую память к тем, кто, завершив свой путь, прокладывает и нам дорогу в вечность. Эта книжка является третьим дополненным и обновлённым переизданием рассказов и зарисовок, идущих от биографического материала о близких родственниках, собранного Ларисой Осиповой (Сартаковой). Так в главе «Вид с балкона» появились новые сведения, раскрывающие откровенное равнодушие родственников к некоторым фактам биографии С.К., где он представлен человеком вполне интересным и даже необыкновенным. Большое событие произошло летом 2024 года по случаю трёхсотлетия образования села «Таскаево». Это место проживания наших далёких предков и ныне живущих современников. Это наша малая родина, на которую мы всегда готовы возвращаться, чтобы в очередной раз пройти по знакомым с детства местам и почувствовать себя частью бегущего сквозь нас равнодушного времени, в котором мы появляемся, исчезаем и остаёмся. В общем, семейный архив растёт и пополняется

новыми жизненными подробностями, логическое продолжение которых можно попробовать представить в нашем недалёком будущем.

*Что если, краски нынешнего дня  
Плеснуть в минувшее вчера,  
Добавить чуть воображение,  
Поймать и оживить мгновение?*

## **ГЛАВА**

### **I**

## Родная сторона

Наверное, нет смысла задумываться над тем, почему мы живём именно в России, а не где-то в другом месте. Возможно, что в какое-то «перестроечное» время многие россияне с лёгкостью променяли бы свою номенклатурную родину на приличную жизнь в Европе; но это было в девяностых годах, когда всем, вполне закономерно, хотелось от призрачного коммунизма перейти к загнивающему, но материально обеспеченному капитализму. Было ещё и другое время, когда каждый житель нашего Советского союза был уверен в завтрашнем дне своего коммунистического благополучия. Действительно, время расцвета заводов и совхозов было не таким уж и плохим: фиксированная заработная плата и пожизненная очередь на квартиру всех уравнивала в своих социальных правах. Мы, равные среди равных, не делили людей, как американцы, на удачников и неудачников, а просто жили, гордясь своей

рабоче-крестьянской неприхотливостью, да романтикой взгляда на жизнь, в которой терять советскому человеку было особо нечего, что и приветствовалось политикой нашего пионерского, комсомольского и партийного воспитания. В одной из песен того времени так и пели: «Трудное счастье – находка для нас, к подвигам, наша дорога». Всё это, конечно, не отменяло, творческого развития личности и осуществления заветной мечты, но направляющая и руководящая роль коммунистов накладывала свой отпечаток шаблонного отношения к жизни, в которой за тебя кто-то старался всё решить, направляя по пути выдуманного равенства и братства. Попасть на руководящую должность без членства в КПСС было невозможно. Всеми экономическими политическими и культурными процессами в стране руководили вышедшие «из грязи, да в князи» номенклатурные работники, которые припеваючи жили за счёт государства и, как представители равноправия, ко всем, мужчинам и женщинам, обращались не иначе как, - «товарищ». В такой обстановке, «свободы и независимости», было удобнее всего строить «развитой социализм» по-пролетарски, т.е. жить скромно и не создавать для советского общества социальных и политических проблем. Говорили: «Где родился, там и пригодился». Мы, крестьяне по происхождению, трудились в своей деревне, подтверждая своё простое колхозное звание ещё и работой без выходных в своём личном хозяйстве. В свободное время любили послушать политические и житейские анекдоты, а по выходным парились в бане и не представляли отдыха без крепкой выпивки; но, иногда, может по школьной привычке, брали в руки книгу...

## Заветные места

*Желанье встреч с заветными местами*

*Всегда живёт на доньшке сознания,*

Попасть в давно знакомые края Где жили наши предки, жил и я... В прошлом году Лариса с Мишей и Машей совершила поездку в родные края на своём автомобиле. Наверное, это и есть ощущение родины, когда каждый дорожный изгиб приближает тебя к особенному месту дорогих воспоминаний, светлых – детских, тревожных и радостных – взрослых. Наконец, машина, как будто одной силой нетерпеливого ожидания, забирается на покатую гриву; вдалеке появляются расплывчатые очертания деревни; в мареве летнего испарения улицы, дома колышутся и плывут, еле удерживаясь в зыбкой середине между земным притяжением и облачной безмятежностью, перемешанной с проблесками озёр и зеленым полей.

*Увидеть улицы знакомой очертанья,*

*Пройти шагами детского мечтанья*

*Её изгибы лет, негаснущих огней,*

По тёплой пыли уходящих дней. У них получилось целое путешествие с остановками среди живой природы, памятными встречами с близкими и знакомыми людьми. Они увидели наяву знакомую деревню, которая своими зелеными улицами, огородами и озёрными разливами, продолжала хранить живые воспоминания даже тех её обитателей, чьё тёплое дыхание давно растворилось в свежем ветре смены поколений. Но жизнь продолжается, и в семье Ларисыных давних друзей – пополнение – появился на свет сын. А в ограде у них перемешанное разнообразие живности, где самые маленькие, от кошки, собаки и козлёнка, мирно уживаются с пернатыми и крупнорогатыми животными, - так что все эти братские отношения очень напоминают коммунизм в миниатюре... Глубина ощущения родины у Ларисы зафиксирована не только в фотографиях, но и в её оригинальном творчестве. Смотрю на созданную ей художественную миниатюру, где нет ничего лишнего. Это своеобразный ребус для непосвящённых, состоящий из нескольких предметов, оформленных в стиле «скраббукинг» и помещённый в небольшую рамочку под названием «Моя малая родина». Здесь, в прозрачной капсуле находится засушенный мотылёк. Он однажды залетел на огонёк в подъезд, где мы когда-то жили, да так и остался там, запутавшись в пыльной паутине старого деревянного окна. Но может он, этот любитель света, проснётся когда-нибудь в Ларисиной коробочке и обрадуется, что оказался в таком месте, где день сменяется белой ночью, превращая лето в вечный праздник света. Обломки ракушек и песок напоминают озеро Сартлан. Сюда приходили мы пешком в детстве. Отдыхали семьями и с друзьями на песчаном берегу; набирались впечатлений от водного простора, наполненного тающими красками уходящего дня, звуками набегающих волн, шорохом камыша; или, лёжа на спине, узнавали знакомые созвездия, в сотый раз удивляясь бесконечности космического пространства. А кому не хочется в жаркий день просто шлёпнуться в воду, забыв про всё на свете... Придорожный цветок люцерны, попавший в символическую коллекцию, Лариса сорвала у дорожного знака «Таскаево». Люцерну выращивали когда-то на корм скоту, чем и занимался в своё время бригадир полеводческой бригады д. Пётр. С этого места, куда занесло цветок люцены, видна почти вся вытянутая вдоль гривы деревня. Она, заманчиво украшена высокими рощами и светлыми полосками озёр. В одну сторону улицы вклинивается озеро, поэтому здесь вместо домов и огородов водная гладь, в которой в тихую погоду отражается часть улицы с домом деда Сергея и возвышающимся

Домом культуры. Так, в рамочку под стекло попали три памятных знака - три взгляда на далёкое и близкое, прошлое и настоящее. Включив воображение, можно в засушенном мотыльке найти знакомый нам символ захватывающего человеческого стремления к чему-то лучшему и светлому. Песок – бег времени, оставляющий в памяти краткие мгновения этой

весёлой жизни. Люцерна – природа, в гармонии с которой жили наши предки. В настоящее время это красивое свидетельство уходящего времени висит у нас дома на видном месте, оно доступно всеобщему обозрению и напоминает о существовании малой родины.

*Мы насовсем не потеряемся, найдёмся  
В бумажной памяти альбомного листа.  
Улыбка детская переживёт века  
И растворится в новом свете дня.  
(11.03.2021)*

## Трёхсотлетие села "Таскаево"

*Когда-нибудь и мы осенним листопадом  
Закружмся в последний раз над садом;  
Смешаемся с желтеющей травой,  
Прямой нашей поступью земной.*

Вот оно, - Таскаево, - село, расположенное на высокой гриве, окружённое озёрами и берёзовыми рощами. Сегодня этому большому селу исполнилось триста лет. Это праздник долголетия, передающийся от поколения к поколению. Это память, направленная в прошлое. Это и наши новые мечты, обращённые в историческое начало нового столетия. Что принесут нам последующие годы? Какие события уйдут в прошлое? О чём будут звучать новые песни? Жизнь движется вперёд и сегодня мы, к великой нашей радости, её продолжаем вместе со всеми ныне живущими и здравствующими.

Мы пришли на этот праздник для того, чтобы с недостижимой высоты трёхсотлетия взглянуть на наше необозримое прошлое и настоящее, отразившееся в этих знакомых улицах, растворившихся в живущих здесь людях? Где витают следы прошлых поколений, из которых мы вышли и состоялись как люди? Какое живое наследие оставили после себя? Как, с годами, оседаем мы незаметной седой пылью на те же самые дороги и улицы, по которым когда-то ходили и перемещались на санях и телегах наши далёкие предки. Может живая гладь двух озёр отражает не только сельские дома с их огородами, уходящими в зелёные камышовые берега, но и надёжно хранят в

своей тайной глубине историческую летопись в событиях и лицах гораздо большую этой юбилейной даты длиною в три столетия. Но наша связь с природой не настолько сильна, чтобы читать её как книгу, поэтому, сколько в воду не смотри, можно увидеть только своё настоящее отражение прожитых лет. А что мешает нам расплескать своей рукой плывущие по воде облака, чтобы почувствовать солнечные брызги летнего дня и окунуться в прохладную воду бегущего времени? Вот и дикие утки, озабоченные семейной суетой, набираются сил, чтобы осенним днём, сделав прощальный круг, улететь в тёплые края, но обязательно вернуться на свою единственную родину.

В этот исторический день можно попробовать обнаружить следы своего живого пребывания через какие-то события, выстраивающее наше прошлое и настоящее в логическую цепочку своего необходимого, полезного и радостного существования. Как ощутить эти огромные 300 лет сменившихся поколений, в которых мы занимаем совсем небольшой отрезок времени, в котором мы, иногда связываемся воспоминаниями с родными и близкими людьми. Как почувствовать это течение времени, начавшееся с первых поселенцев и до наших дней? Как измерить все трудности военных и гражданских потрясений, выпавших на нашу долю? Насколько можно осознать историческую и человеческую ценность сегодняшнего дня?

И вот сейчас центр села превратился в пёструю живую палитру людей разного возраста, среди которых немало приехавших провести свою малую родину. Всем хватило места под приветливым небом, накрывшим нас вместе с уютными домами и привольным раздольем средней полосы. Сегодня мы, как эти бегущие в солнечных просветах облака, так же мимолётно заглянули в чьи-то знакомые лица, напоминающие нашу молодость... Официальный праздник с приглашением районной администрации быстро перешёл в народное гуляние. От каждой сельской улицы были приготовлены импровизированные выступления и деликатесные угощения. Как не вспомнить здесь какую-нибудь улицу Рямовскую, или Озёрную. Для этого надо лишь просто подойти к небольшой палатке с соответствующей вывеской, где ждёт тебя угощение и приятный разговор на любую тему, после чего начинаешь думать, что будто никуда и не уезжал, и всё идёт своим законным порядком, установленным нашими предками, которые

может где-то рядом также разделяют с нами радость этого праздника жизни и долголетия. На просторной уличной сцене выступали местные и приглашённые артисты. Зрители с удовольствием смотрели и слушали выступления С. Ландаря, Р. Сентябревой, детского танцевального коллектива. В первых рядах находились почетные гости и заслуженные ветераны труда, в адрес которых были сказаны добрые тёплые слова. Многие из местных старожилов могли бы рассказать интересные истории, связанные с их жизнью. Например, Н.В. Куркин совершенно уверен в том, что пословица «Где родился, там и пригодился», как нельзя лучше к нему подходит. С чем связано было его

желание построить свой дом на том самом месте, где он когда-то родился? Может ощущение своей крепкой близости к семейному дереву, которое разрастается сыновьями и внуками? Его заслуженный авторитет главного врача и отца большого семейства говорит о многом. А кто только из жителей села не учился в школе у А.П. Красиковой... Она, к всеобщей радости, находится с нами; и в этой связи можно вспомнить еще много знакомых фамилий. Это Лыткины, Бессоновы, Сартаковы, Афанасьевы, Васильевы... Чтобы почувствовать исторический момент происходящего, можно обратить внимание на некоторые строения, которые образовали центральную часть села. Это новый Дом культуры имени В. Батракова. Старый клуб сгорел вместе с огромными буквами «СЛАВА КПСС», помещёнными на его шиферной крыше. Хорошо видна сеть магазинов на том месте, где когда-то торговлю вели купцы, а напротив стоял большой храм, объединяющий тысячи православных прихожан. В то время никто не предполагал, что здесь появится большая средняя школа, где могут учиться все желающие. Колокольный звон того времени давно рассыпался о Советскую власть, которая скромно помещалась в сохранившемся до сих пор ветшающем небольшом пятистеннике, украшенном покосившимися ставнями и наличниками. Этот дом из круглых брёвен держится своей былой статью изо всех сил. Да и как ему не держаться, ведь он помнит всех нас «от мала до велика», начиная с военного лихолетья. Сохранилась от советского времени двухэтажная контора, такая же большая и неуклюжая, как само совхозное хозяйство с его нерациональной работой и многими ненужными специалистами. Впрочем, во все времена можно здесь отыскать знакомые приметы всё тех же улиц. Некоторые дома исчезли. На их месте появились развесистые клёны, но, в нашей памяти, там, за густой листвой, по-прежнему светят окна и звучат знакомые голоса.

Общение с односельчанами на празднике носило больше случайный характер. С кем-то удалось только мельком поздороваться, кого-то можно было узнать только после представления, и тогда на изменившемся с годами лице появлялась знакомая улыбка, будто прилетевшая из школьного класса, или старого альбома.

Праздник продолжался далеко за полночь. Менялись певцы, музыканты, исполнялись танцевальные мелодии. Всё закончилось ночным фейерверком. Его искры вспыхивали и таяли, сливаясь с ночными звёздами и освещали последние счастливые мгновения нашей истории, длинную в 300 лет. Но и через 1000 лет мы не потеряемся, найдёмся в каких-нибудь старых альбомах, или книжных строчках, чтобы снова и снова жить в чьей-то памяти, или находиться в каком-нибудь неожиданном качестве переменчивой и капризной погоды.

*Среди забот, хлопот и вечного движения*

*Нас возвышает всякое стремление,*

*Пройти достойно от мечты, до ощущения*

*Необратимости земного притяжения. (21.02.2025 год)*

## Заманчивый вид с балкона.

*С балкона видеть стадион – сплошное развлечение.*

*Доносится с больших трибун футбольное волнение.*

*И спорт зовёт, и ты бежишь по замкнутому кругу,*

На лёд ступаешь и скользишь под музыку и вьюгу. В школьные годы мне нравилось приехать в Барабинск к своим родственникам. В этом небольшом городе железнодорожников стук вагонных колёс слышен на всём болотно-камышовом пространстве узких улочек, пахнущих застоявшейся водой и канализацией; а тревожные гудки приходящих, отбывающих поездов создают круглосуточную атмосферу вечного движения, которое когда-то поддерживали своей работой и наши родственники: дед Иван, дядя Валя, дядя Ваня. Там, с балкона четвёртого этажа открывался заманчивый вид на стадион «Локомотив» с его футбольным полем, беговыми дорожками, спортивными площадками, где мы часто наблюдали игры, соревнования каких-нибудь волейболистов, бегунов и прочих спортсменов. Бабуня отлично готовила: пирог-манник был её фирменным угощением. Свои обеды и ужины она всегда согласовывала с вкусовыми запросами небольшой семьи. Строго принимались во внимание размеры и количество беляшей, пирогов; а блины должны были быть, непременно, маленькими; её внук, Сергей, их заказывал, как правило, ровно пять. С позиции нашего деревенского упрощённого быта, это было непривычно и не демократично; кроме того, обед превращался в некий церемониал с точным обеденным часом, ограничивающим мальчишескую свободу вольного распоряжения своим временем. Т. Галя тоже иногда готовила. Это был длительный кропотливый процесс приготовления и ожидания кулинарного шедевра... Брат Миша как-то вспомнил, что она, как никто другой, с особой важностью могла смести со стола на свою ладонь крошки хлеба, совершенно дешёвого советского продукта, и демонстративно отправить эти крошки себе в рот. В этом эффектном жесте явно был определённый смысл, вероятно, напоминающий голодное послевоенное время, о котором т. Галя не забывала. В общем, семья была не простая и, наверное, поэтому кот Васька, чтобы соответствовать высокому званию необыкновенной семьи, с удовольствием жевал папиросы, что у всех вызывало совершенное недоумение и даже восхищение. Никто не мог объяснить это феноменальное

явление, все терялись в догадках, и только Бабуня смогла по-настоящему разгадать эту, оказывается, простую тайну пагубной кошачьей тяги к табаку. Однажды, после очередного Васькиного налёта на «Беломорканал», она, внимательно посмотрев на кота, сказала: «Да ведь он - мужик!» - с чем нельзя было не согласиться. Одно время, в Барабинске жил, воспитывался и учился в начальной школе Миша. Наверное, в то время, это разнообразило его жизнь каким-то прикосновением к городской жизни, другой семейной культуре, появлением новых друзей. В своё время Сергей окончил семь классов этой школы, а уже восьмой заканчивал в Таскаевской школе, где своим вольным поведением и книжной начитанностью мог местных учителей, как удивить, так и довести до «белого каления». Усваивать науки и, одновременно, соблюдать дисциплину, было для него совершенно невыносимо, поэтому, сдав школьные выпускные экзамена, он с чувством особого удовольствия избавился от ненужных учебников. Не знаю, что бы он сделал с этими ненавистными ему книгами в Барабинске, но здесь, в деревне, огромная чурка и топор для колки дров, как нельзя лучше подошли к долгожданному и яркому завершению школьного образования. Сдав последний экзамен, этот, по жизни затейник и выдумщик, не заходя домой, сразу прошёл к подходящему для этого случая заветному месту. Задорно улыбаясь в предчувствии яркого финал восьмилетнего образования, аккуратно положил на плоскую поверхность большой чурки самый нелюбимый учебник – геометрию, взял в руки топор, размахнулся и - вся учёба позади, здравствуй, взрослая жизнь! Вспоминая этот случай отлучения от точных наук, моя мама, просто и даже с любовью гово-

рила: «Вот, дурак», - но тут же начинала улыбаться, вспоминая его детские проказы и восхищаясь его постоянной любовью к художественной литературе. Эта любовь к чтению явно ставила всех Колотыгиных на определённую высоту, с которой им, книжным интеллектуалам, можно было по достоинству оценивать окружающий мир, в котором они, прежде всего, были прекрасными собеседниками. Вооружённые интересными сюжетами и привлекательными образами, они умели отлично передавать содержание увиденного и услышанного. Любили критиковать всех налево и направо, не забывали подтвердить свою значимость и индивидуальную неповторимость через отношение к своей работе и людям, их окружающим, среди которых они были, в любом случае, далеко не худшими. В квартире у т. Гали глаза разбегались от обилия книг. Меня, в то время, больше интересовали Д. Лондон, В. Скотт, К. Дойл... Мы больше воспитывались на этой зарубежной литературе. Романтика приключений уносила нас в далёкий и опасный мир сильных духом героев, с которых можно было брать пример... Книги, в семье Колотыгиных, занимали особое место: семейная гордость - собрание сочинений мировой художественной

литературы - располагалось в шкафах по обеим сторонам самой большой комнаты. Конечно, книги покупались и выписывались не для красоты – их читали, перечитывали, ими жили, но прочитанное редко вызывало дискуссии: у каждого были свои предпочтения, и ценились не сколько чтение, с потребностью обсуждения, сколько информационно-исторические справки, упирающиеся, например, в перечисление чудес света, или решении вопроса, кто написал произведение «Дафнис и Хлоя». Ещё звание книголюба подтверждалось объёмом страниц и затраченным временем. Так д. Валя однажды говорил с определённым достоинством о том, что он, когда-то, собравшись отдохнуть перед поездкой (он работал на электровозе), не мог всю ночь оторваться от книги!! Серёге книги тоже никогда не надоедали: он их читал, не обращая внимания на время суток, тем более, что почти не работал, за что, время от времени, отбывал срок за тунеядство. Природное отсутствие духовной потребности психологического анализа, основанного на любви и гармонии личности, выливалось в поиски остросюжетных историй, поэтому по ходу чтения вопросы «Как?» и «Почему?» не возникали, притягивало лишь любопытство «Что дальше?» Вот так взгляд на жизнь через романтику страниц, приключений и криминала накладывал на него тот особый замкнутый на книгах интеллект, мало приспособленный к быту и семейной жизни.

Сочетание в нём врождённой интеллигентности с пожизненным тунеядством и любовью к художественной литературе, действительно, - явление редкое. И всё бы ничего, но он, как часть нашей автобиографии, не всем понравился своим отношением к работе, которая во времена построения социализма, была прописана всему трудоспособному населению в обязательном порядке; а несознательные граждане работали и воспитывались на благо родины принудительно. Это, конечно, довольно яркий факт, характеризующий советское время, в которое наш Сергей не всегда вписывался, из-за своих свободных взглядов на любые, социальные, или семейные обязанности. Но здесь кто-то решил, что лёгкое упоминания слова «тунеядство» бросает тень не только на него одного, что и вызвало среди родственников новые воспоминания, обернувшиеся опять же для кого-то новыми открытиями, которые в этой книжке пусть так и останутся «за кадром».

Можно ли нашего Сергея причислить к поколению потерянных романтиков, который поддерживал в себе это необыкновенное состояние путём пристрастия к художественной литературе, в которой он жил и перемещался по всему книжному миру? В реальной жизни его путешествия ограничивались лишь поездками в «места не столь отдалённые»; где он тоже умудрялся читать книжки. Литературные персонажи ему нравились благородные и честные. Сам он когда-то был не лишён этих редких

достоинств, которыми обладали его любимые мушкетёры из романа Дюма. Но, с годами, от книжных героев, с их переживаниями и волнениями, оставались только сюжетные линии, которые чередовались с собственными далеко идущими вредными привычками.

Время от времени на него накатывалось настоящее затмение, в пьяной темноте которого он, ради выпивки, распродал домашнюю библиотеку. О чём он думал, унося из дома очередное собрание сочинений культурного наследия? Кто виноват в его деградации? Он сам, или его окружение, в котором не было отца - алкоголика, путь которого он повторил без его присутствия? Неужели никуда не денешься от банальной наследственности? Может кому-то, при отсутствии потребности к чтению, этот факт распродажи классической литературы кажется совершенно незначительным, но ведь он жил в семье, в которой эти книжки могли бы очень даже пригодиться детям и внукам. Так, по воле судьбы, при отсутствии настоящего семейного воспитания могут появляться наследники, не привыкшие к человеческому общению; зато всё остальное в них хорошо видно. Не зря бытует такое выражение, что «умный человек имеет библиотеку, а дурак – только телевизор». Конечно, это очень грубое сравнение наших интересов, но что-то в этом есть...

*Мы все стремимся быть не хуже всех;*

*Кто в вероломстве видит свой успех;*

*Кому «второе счастье» помогает;*

*А кто в невежестве своём всё знает.*

Всякая семейная история, хотя бы в своей основе, должна быть настоящей. Это нужно для того, чтобы можно было нашему будущему поколению сделать для себя полезные выводы, связанные со своим образом жизни. Иначе, зачем этот наш, слегка импровизированный семейный архив. А пока внуки не торопятся узнать себя в своих старших родственниках, тем более сделать для себя полезные выводы. Впрочем, время покажет. Рано или поздно, придётся однажды оглянуться во времени, чтобы в чём-то утвердиться, или разочароваться. «Бабуня» предпочитала европейскую классику: обожала Теодора Драйзера, запутанные семейные истории которого вносили разнообразие её домашние будни. Она всю жизнь готовила и шила; но, занимаясь этой однообразной работой, не превратилась в бабу-бабариху и была всегда невероятно добропорядочна ко всем окружающим. Её любовь к людям не знала границ: все для неё были интересны и привлекательны, а молодёжь, вся без исключения, была неизменно красива, не говоря уже о совершенной неповторимости своих внуков. Откуда это доброе начало? От трогательных и поучительных книжных историй? Впрочем, каждый человек предрасположен

впитывать из литературы, искусства всё то, на что он по своей природе и воспитанию способен; поэтому кого-то устраивает только сюжет; про таких можно сказать, «смотрит в книгу - видит фигу». Но для бабуни, похоже, духовная возвышенность героев романа занимала не последнее место, да и с улыбкой смотреть на окружающий мир помогал ей не какой-то книжный персонаж, а Иван Андреевич, её муж, который называл мою бабушку не иначе как - Еня. В свободное время он любил проводить время с детьми, играл в городки, иногда мог выпить пива, работал бухгалтером и школьные задачки мог решать в уме, только прослушав условие. Его семейная фотография напоминает интеллигента времён Чехова и даже может самого А.П. ... Он работал главным ревизором Западносибирской железной дороги. Его бухгалтерский острый ум прекрасно сочетался с природным интеллектом и мягкостью отношений с окружающими. Нелегко всем приходилось в военное и послевоенное время. Иван Андреевич воевал в штрафной роте (70А, АВНКВД). В 1944-ом на него получали похоронку, а потом встречали живого, комиссованного с фронта по ранению, но в скором времени хоронили по-настоящему. Сейчас, много лет спустя, он по-прежнему значится в списке погибших героев и перезахороненных со всеми воинскими почестями из Веляшева на мемориальное кладбище Варшавы. Единственным мужчиной в семье оставался самый младший из детей – д. Валя. Чтобы выжить в этом военном и послевоенном времени, необходимо было много работать. Не хватало угля

и дров, которые приходилось иногда воровать, чтобы не замёрзнуть от холода. Бабуня всех обшивала. В то трудное время её умение выкраивать и перекраивать не знало границ. Поговорка «голь на выдумку хитра» как нельзя лучше подходила к её необыкновенным решениям по дизайну платьев для любимых дочерей, которые порой обновлёнными нарядами выгодно отличались от своих сверстниц. Возможность принарядиться придавала им определённую значимость. На школьной новогодней фотографии Лида действительно выглядит сказочной Феей, а Галя, в духе советского времени, вполне счастлива в костюме «Не отдадим Мадрид!», в названии которого не только героическая эпоха того времени, но и творческая фантазия незабываемого праздника. Может отсюда у них с годами и появился свой особый строгий вкус к одежде. Впрочем, их статус - работа в качестве учителя и врача - не позволял особо выделяться, да и выбора модной одежды в советских магазинах просто не было; зато процветали ателье, в которых и заказывались вполне приличные вещи. Самым модным из нашей родни был Сергей К.: свои брюки, рубашки и костюмы всегда шил на заказ, но, главное, умел всё это носить со вкусом и достоинством человека, будто бы совсем равнодушного даже к самому модному «прикиду». Его модельная стройность и стремительная лёгкая

походка производили впечатление человека занятого. Быстро шагая по улице, он будто убежал от провинциальной простоты своих горожан, не обращая ни на кого внимания, не оглядываясь, всегда сохраняя нейтральное выражение лица, как признак социальной независимости. Семейная книжная воспитанность и свобода поведения, при отсутствии отца и занятости матери, сочетались у него с дворовым воспитанием, где драки, вино и прочие развлечения оттесняли школу, а значит и дальнейшее образование, на второй план. Таким образом, «светлое будущее» с получением «поплавка», т.е. значка-ромбика, подтверждающего статус приличного специалиста, было для него заказано. Опять-таки, увлечение модой шло больше от улицы, как постоянного места проведения свободного времени. Доказательство тому – швейная машинка, хранившаяся от лишних глаз на чердаке у его друга С.Т., при помощи которой, в отсутствие родителей, некоторые пошитые в ателье вещи превращались в крик моды: делались яркие вставки, менялись - добавлялись пуговицы, швейные строчки... От этого дворового дизайнерского творчества остались самые свежие воспоминания. Особенно интересной стала история «усовершенствования» брюк – клёш, штанины которых делали на всю ширину отреза материи; но этого было мало – выкраивались яркие складные клинья, которые вшивались сбоку от колена в распоротую по шву гачу; вся вставка проглаживалась, складывалась внутри брючины, а распоротая по шву и усовершенствованная прорезь от низа до колена застёгивалась на крючки. Безусловно, брюки были универсальные: застегнув крючки, в них можно было без строгих нареканий находиться в школе; можно было расстегнуть крючки; и в этом случае, если стоять на месте, вид был тоже вполне приличный; но делался шаг и - чудо: неожиданно брючина распаивалась на невероятную ширину, открывая вызывающую палитру красок, вплоть до рисунка в горошек. Но нюансы не заканчивались на конструктивной особенности и цветовой гамме этого модного изобретения: ходить красиво и с независимым видом, подстраивая шаг под такие раздвигающиеся клёши, надо было уметь; да и сохранить свою индивидуальность, не выглядывая «...из голифища, как коралловый риф», не всем было под силу. Все Серёгины друзья любили бывать на стадионе. Там можно было покидать мяч в баскетбольное кольцо, либо поболеть за свою местную футбольную команду «Локомотив». Сам Сергей профессионально играл в баскетбол, а мне его друзья могли дать покататься на настоящих хоккейных коньках с задниками и языками, которые, ради особого шика, принято было выставлять наружу. Билеты на матч, чаще всего, не покупались, так как забор был вполне преодолимый препятствием.

*Забор высокий с детства нас манит,*

*Как будто на вершине там - магнит.*

Но как иначе обрести заветные мечты, Если не прыгнуть с этой первой высоты? Особенно интересен был зимний стадион, когда футбольное поле вместе с беговыми дорожками

превращалось в огромное ледовое поле. Вечерами здесь гремела музыка. Было много народу. Всё это было похоже на молодёжную дискотеку. Хиты семидесятых, звонким эхом отражаясь от сверкающего льда, звучали здесь особой свежестью морозного движения. Получалось совершенно невероятное музыкальное сочетание скорости, ветра и нечаянного столкновения с каким-нибудь хорошим румяным личиком. Всё это вызывало неизменное ощущение восторга, молодости и смутных надежд. Но стадион был не только местом спортивных развлечений: там можно было просто погулять или выпить какой-нибудь «бормотухи», (так пытались ощутить себя «взрослыми» Миша и Борис) а баскетбольная площадка могла быть и отправной точкой очередного культпохода в кино или просто кутежом с непредсказуемым концом... (Август, 2019 год)

## Как утвердить звание настоящего мужика?

Что знаем мы о том, как наши предки жили И что хорошего от жизни той мы сохранили? Мой отец и дед Сергей всю жизнь прожили в большом селе, расположенном на волнистой равнине под названием Бараба. Здесь эти самые безопасные в природе покатые волны называются гривами, на одной из которых и образовалось более трёхсот лет назад село Таскаево, растянувшееся своими улицами и огородами на этой продолговатой возвышенности. Между гривами в этом естественном углублении протянулись цепочки небольших озёр, заполненные серебрястыми, или жёлтыми карасями. Но, всё это, лишь красивая природа, на фоне которой трудовая жизнь деревни видна особенно отчетливо. Сергей Иванович был в селе человеком уважаемым: прошёл всю войну, не раз получал серьёзные, близкие к смерти ранения, награждён орденами и медалями. На заданный вопрос, приходилось ли ему убивать противника на войне, промолчал, хотя в наградном листе на орден Красной звезды есть запись: «...уничтожил из личного оружия...». После окончания В.О. войны работал председателем колхоза. Не знаю, насколько он был прирождённым организатором, но «Партия сказала...» и надо было поднимать сельское хозяйство, соответствовать званию убеждённого коммуниста и хорошего хозяина. Часто задерживался на заседаниях правления колхоза, на партсобраниях и тогда семья, по старой традиции, не могла без хозяина садиться ужинать; впрочем, на кормящую

мать это правило не распространялось. Несмотря на серьёзность своего социального статуса, колхозного руководителя и коммуниста, д. Сергей мог утвердить своё неофициальное звание настоящего мужика и на стороне, что у нас в России всегда негласно приветствовалось.

*Спасибо, память, что к началу дня*

*Уносишь нас, историю храня;*

*Запоминаешь лица и улыбки,*

Привычки, радости, ошибки. Новый крестовый дом был построен только на десятом году мирного времени, когда люди в деревне стали иметь относительный достаток. До этого семья ютилась в старой, ветхой избе, в которой обилие людей и бытовая теснота несколько не мешала мне появиться на свет. В этом домике я, первый сын и внук, окружённый заботой и вниманием, много места не занимал: качался в люльке, подвешенной к потолку на пружине и слушал, как гудела затопленная печь, глухо брякали об пол принесённые дрова, гремели разнокалиберные ухваты. Чувствовалось, как печное тепло вместе с устойчивым запахом картошки из огромного чугуна для надворной живности, быстро наполняет комнаты особым деревенским уютом, согревающим трудовые радости долгого дня. Мой отец в это время работал в МТСе: занимался ремонтом двигателей, электрического оборудования. Д. Сергей, уйдя на пенсию, продолжал помогать совхозу: развозил горючее, смазочные материалы по работающим в поле бригадам. Для этой цели у него был длинный, пропахший мазутом фургон, в который впрягалась пара лошадей. В свободное время можно было на этот фургон поместить деревянную самодельную лодку и съездить поставить сети на Сартлан, на «белую» рыбу, а карасей можно было поймать и в деревне: надо было только перейти через дорогу, и ты уже на рыбалке. Близость озера помогала поливать огород, поить домашних животных, полоскать бельё, а это ежедневные десятки вёдер воды, которые обычно б. Таня приносила на коромысле. Зимой дед Сергей завозил с озера на санях-розвальнях огромные, надолбленные пешней прозрачные глыбы льда и сваливал их в угол большой ограды. Б. Таня маленькой пешней ловко откалывала нужной величины куски льда для домашней нужды. Надворное хозяйство было, как у всех односельчан: корова с подрастающим рогатым поколением, овцы, свиньи, куры и собака. Огород давал в изобилии картошку и овощи. Грибы, ягоды собирались согласно своему сезону по лесным колкам и лугам. Грибов д. Сергей привозил целый воз, причём это были только грузди, которые б. Таня перед засолкой вымачивала в бочке и так же могла их просто пожарить.

Много сил и времени отнимала сенокосная пора. Это была целая эпопея скашивания, сгребания, сушения, копнения и метания, часто осложнённая погодными условиями. На покосе всякому возрасту находилась своя посильная работа. Ребятишки верхом на лошадке перевозили копна, женщины лёгкими деревянными граблями сгребали сухую траву, мужчины копнили и метали стог. Траву приходилось косить вручную, что требовало, кроме необходимых навыков обращения с литовкой, приличной закалки и выносливости. Сам я научился косить, точить и отбивать косу гораздо позже, под руководством моего тестя. Эти сенокосные навыки, в своё время, неплохо пригождались в нашем подсобном хозяйстве и вызывали даже спортивное удовольствие и гордое ощущения своего крестьянского происхождения. Пословица «Хвали траву в соку, а сено в стогу» переходила в другую: «Не потопаешь – не полопаешь» и имела совершенно прямой практический смысл, который ещё и подтверждал статус человека – хозяина. Впрочем, это я сейчас рассуждаю и делаю выводы, а в то время меня, как мальчишку, больше привлекало то, как дед Сергей в жаркую погоду поочерёдно снимал с фургона деревянные колёса, и они из ограды самостоятельно катились к озеру, благополучно закатывались в воду и, увязая в илистом дне, на какое-то мгновение останавливались и плавно заваливались на бок, шумно рассыпая вокруг себя сверкающие брызги. Между тем, в горнице на комодѣ стояли большие часы, равнодушно отмеряя бытовые заботы и радости мелькающих дней. Д. Сергей раз в неделю с особой важностью их заводил, машинально посматривал в окно на небо и озеро, которые между собой жили в полном ветряно-дождевом согласии и по состоянию их светлости – хмурости определял погоду, подстраивая свои хозяйственные планы под её сибирские причуды. Может, в этот момент, его крестьянская зависимость от природных условий переносила его дальше, в невидимое пространство, к Сергееву озеру, Сергеевой гриве, на которой когда-то была расположена фамильная пашня. Возможно, и сейчас можно найти в прилегающем к пашне колке место, на котором стоял домик для короткого отдыха и ночёвок на время посевной или уборочной страды. От этого временного жилища может ещё остались какие-нибудь следы в виде углубления, оставшегося от подполья или погреба для хранения продуктов... Ещё на комодѣ стояла фотография, где д. Сергей запечатлѣн на фоне ВДНХ. Этот исторический снимок, возможно, связан со случайно сохранившейся почетной грамотой, которой Сергей Иванович, как председатель колхоза «Победа», в 1957 году награждѣн «за высокие надои». Всю свою жизнь в этом же селе прожил родной брат близнец д. Сергея – Григорий Иванович. Он не был на войне, но свой гражданский долг добросовестно выполнял, как работник тыла. Его сын Дмитрий тоже всегда был примерным работником в колхозе и в совхозе. Из этого детского времени, больше всего я помню ощущение

беззаботности: иду по улице, прищуриваясь от заходящего летнего солнца; держусь за б. Танину руку и закрываю глаза; солнце через веки окрашивается в бордовый приглушённый свет и становится таким же уютным и безопасным, как теплая б. Танина ладонь, за которую я, как будто до сих пор, продолжаю держаться.

*Судьба превратная свиданье назначает:*

*Испытывает нас, играет, сохраняет*

*Тепло руки. Вечерний красный свет*

*Несёт из детства свой привет. (2022 год)*

## Свернём с большой дороги? (из жизни В.Н. Токарева)

*Глубокий взгляд больших озёр подёрнулся туманом.*

*На берегу хрустальной слезой роса блестит.*

*Спокойно дремлют камыши, объятые дурманом.*

*И лишь живой ручей куда-то всё спешит.*

Василий Никифорович Токарев, родной брат бабы Тани, женился на девушке из другой деревни. История не такая уж и редкая, в которой сердечная привязанность прошла мимо своих знакомых девчонок, свернула с большой дороги, преодолела бездорожье и образовалась в глухой деревушке, расположенной рядом с незамерзающим источником, из которого вода ручейком стекает в большое заросшее камышом озеро. На фоне такого привлекательного места, эта маленькая деревушка выглядела вполне выгодным вариантом для семейного проживания. Конечно, Василий больше ориентировался на женскую неотразимость своей возлюбленной, но его, как настоящего рыбака и охотника не могла не привлекать дикая природа, в которой скрывалось много всего живого и полезного; к тому же эти озёра, были совсем рядом с её домом, поэтому напоминали её глаза, такие же глубокие и близкие. Ещё до свадьбы Василий думал о том, как он на утренней зорьке пойдёт по мокрой росистой траве к озеру. Он будто слышал журчание волны о борт лодки и чувствовал знакомый влажный запах озёрной воды, замешанной на рыбной чешуе и мягкой питательной грязи илистого дна. Он чувствовал, как этот запах легко смешивается с волнистым туманом, отрывается от тёплой воды и колыхается вместе с ним до тех пор, пока ветерок не раскидает эту утреннюю сырость растрёпанными клочками по всему озеру. Дальше он слышал звуки трепыхания о днище лодки жёлтых карасей; но, главное, что ему представлялось, это то, как он, усталый и счастливый, зайдёт в свой дом, наполненный живым и волнительным присутствием молодой хозяйки.... На этом его воображение останавливались. Ещё он думал о зиме и представлял, как в белой снежной тишине прячется рыжая лиса, в которой он

сразу видел пушистый воротник для своей ненаглядной Аксины, представлял её благодарные глаза, в которые он был готов смотреть всю жизнь. Как начиналась эта полная забот от зари до зари сельская жизнь, как она продолжалась, можно только представить, но семья получилась большая и дружная. Трое из шестерых детей: Владимир, Александра и Татьяна, - всю жизнь прожили в большой советской деревне, в которой, к тому времени, распалась бойкая купеческая торговля, а в божьем храме кипело школьное образование. Невероятные перемены в жизни произошли и у самого Василия: он переехал жить к своему сыну Николаю в г. Владимир, куда следом, после смерти мужа со своими двумя дочерьми, Анной и Валентиной, переехала его родная сестра Вера Никифоровна. Там, на тракторном заводе, а может и в каком другом интересном месте, дочь Анна самым серьёзным образом познакомилась с Вячеславом Кирилловым. Дальше обновлённая семья покупает частный дом в Новосибирске, в котором уже живёт ещё одна родная сестра Веры Никифоровны – Попова (Токарева) Аграфена Никифоровна. В этом городе на красавицу Валентину обращает внимание местный завидный жених Прохоров Дмитрий. Так образуется ещё одна семья. Родные сельские просторы меняются на городскую суету с нормированной работой и выходными днями. В этой другой жизни появились и появляются новые имена. Они рассеялись по городским улицам и большим домам, с высоты которых, наверное, уже не видят своего деревенского начала. Действительно, трудно нам представить себя в чистом поле, по колено в траве и с косой в руках. Но если, когда-нибудь, захочется взглянуть на берёзовый край своих предков, то можно, однажды, оглянуться назад, свернуть с большой дороги и отыскать знакомое озеро, в котором, вместе с его камышами, берегами и жёлтыми карасями, остановилось время. Там можно увидеть ручей, тихое журча-

ние которого, через века, откроет нам какую-то простую тайну, с которой мы уж никогда не расстанемся.

*Свернём с большой дороги. По траве  
Пройдёмся по желтеющей листве.  
На озере поставим сеть на карасей.  
Послушаем, о чём журчит ручей.*

## Одной природой сердце не исправишь

*Одной природой сердце не исправишь,  
Да и здоровье вряд ли здесь поправишь:  
Помимо основной работы, круглый год  
Домашнее хозяйство требует уход.*

Российская деревня, со своим бездорожьём и удалённостью от города, всегда была особым местом проживания, рассчитанным на людей, привыкших огородами, сенокосами и подсобными хозяйствами, требующими неотлучного ежедневного участия человека в этой деревенской круговерти без выходных и праздников. Состояние относительного покоя и отдыха в семье здесь наступает лишь вечером, когда вся мычашая, хрюкающая скотина накормлена и люди могут, наконец, спокойно поужинать в домашних условиях. Но долго не засидишься: забота о хозяйстве и усталость от растянутого до ночи рабочего дня заставляют отходить ко сну пораньше, чтобы на утренней зорьке со свежими силами вступить в новый день, наполненный звуками, запахами выгоняемого на пастбище стада, утверждая трудовые вековые традиции наших предков. Деревня хороша своей особой первозданной близостью к полям, лесам, озёрам. Сама природа располагает к спокойной жизни с определёнными сельскими увлечениями и свежими продуктами, но не всякий имеет пристрастие к рыбалке и охоте, а свой огород можно завести, где угодно. Конечно, не место красит человека, но, однажды, сменив деревню на удобный для жизни город, прошлое становится лишь малой родиной, из которой в город или на кладбище переселяются последние родственники. В одно время работал я освобождённым секретарём комитета комсомола совхоза «Таскаевский». У меня было удостоверение тракториста-машиниста, полученного ещё в школе и опробованного в ПМК, поэтому я, как полноценный специалист-механизатор, на время уборочной страды был определён комбайнером. Это был один из моментов постижения истины настоящего рабочего вдохновения, основанного на необходимости трудового подвига, пришедшего от наших предков – крестьян, напрямую зависящих от собранного урожая. Каждый день за перевыполнение нормы начислялось пять рублей. Берегли каждую минуту драгоценного уборочного времени: в обеденное время работающего механизатора находили в любом, даже самом удалённом уголке пшеничного поля. Где-то рядом всегда находился один из многочисленных берёзовых колков, на краю, которого, обычно и расстилали лежащий стол-скатёрку. Приветливая повариха с чувством долга и ответственности наливала горячий борщ и подавала свежий, особо душистый на свежем воздухе, хлеб, испечённый, почему-то, из муки, привезённой из далёкой Канады. Окончание уборочной компании всегда было праздником. И в этот раз, для всех полевых работников, за деревней, в помещении сорт участка, были накрыты столы с угощением. Я пришёл туда, как представитель комсомола, вместе с совхозной администрацией. Настроение было у всех отличное: подводились итоги работы, чествовали комбайнёров, которые сразу позвали меня к себе в свою простую компанию, чему я был особенно рад, почувствовав себя ещё раз по-настоящему нужным и полезным человеком.

Не раз менял я работу, профессию, но этот небольшой фрагмент из жизни моих односельчан навсегда помог мне отличать настоящих людей труда от тех самых «семерых с ложкой», в разряд которых, как обычно, стремятся многие попасть. В настоящее время бескрайние поля, на которых выращивалась пшеница, заросли травой и печально напоминают о совсем другой деревне...

*Всю жизнь мы неустанно пишем  
Свой неоконченный роман  
Раскинулись слова по крышам  
Хромает почерк тут и там*

*(Апрель, 2020 год)*

## В тени развесистых берёз (Лариса и Женя)

*Уютный уголок в природном исполнении*

*Найдём в тени берёз. В немом волнении*

*Присядем у воды в простом стремлении*

*Увидеть вечность облаков в движении*

Лариса и Женя начинали свою жизнь в Таскаеве, с населением более тысячи человек. Это был не самый плохой вариант для проживания в сельской местности: имелась средняя школа, больница, дом культуры, магазин. Особой достопримечательностью и развлечением были совхозный сад, берёзовая роща и озеро Сартлан, что и сейчас для некоторых остаётся предметом гордости, хотя постепенно всё это зарастает мелколесьем и дичает. В прошлогоднюю поездку на родину мы наблюдали некоторые признаки изменения природы. Роща когда-то была похожа на парковую прогулочную зону, сейчас она так заросла, что стала почти непроходимой. И только один уголок, на опушке, ближе к саду, с обугленными следами большого костра, говорит о том, что сюда, всё-таки, иногда забегает молодёжь. Впрочем, нужны ли мы этим развесистым берёзам, спокойно наблюдающим мельканье дней и смены поколений. Природа торжествует и буйствует, освободившись от лишних тревог за непредсказуемые людские судьбы, некогда лелеющие здесь свои надежды. Эта старая роща, как увядающая красавица, подмолодилась свежей зеленью заросших тропинок и, как прежде, уводит нас своим лиственным шёпотом к чему-то светлому и грустному. Как сельские жители, Лариса и Женя, конечно, были знакомы с особенностями жизни в деревне. Ночёвки на Сартлане, с целью рыбалки или отдыха, были делом обыкновенным. Женя с удовольствием ползала по песчаному мелководью озера, ещё не умея ходить. Всё это время у нас была купленная где-то Женей – геологом двухместная палатка, с появлением

которой выезды на природу стали делать чаще. Как-то ездили с Ларисой на рыбалку с ночёвкой. Хорошо провели время, но ночью был дождь, и дорога превратилась в месиво из грязи. Рано утром, возвращаясь домой, с трудом доехали до ближайшего колка. Развели костёр, сварили уху из свежих окуней. Спрятавшись в палатке от комаров, отдыхали, убаюканные шорохом листвы и мягким утренним теплом. Пригретая солнцем, дорога быстро подсохла и мы, отдохнувшие, вернулись домой. Здесь занятно вспомнить историю «отдыха» внуков, которых мама Лариса с Алексеем привезли на Сартлан, чтобы познакомить их с этим чудным местом отдыха, купания и загорания. Но в этот жаркий день события развернулись непредсказуемым образом. Выбравшись из автомобиля, дети помчались к воде, но, увидев рядом пролетающих жужжащих комаров и паутов, также быстро забрались обратно. Наружу их выманить было уже невозможно. А незадолго до этого, они после ночёвки в частном доме своей бабушки, в Куйбышеве, утром дружно не пошли в уличный туалет без удобств; зато это быстро организовало их собраться в дорогу; но и второго испытания с жужжащими насекомыми они тоже не выдержали. Так Ларисино озеро детства превратилось для её городских детей в ужасное непреодолимое испытание. Конечно, купание для детей было всегда особым развлечением. Ради этого Женя и Вадик могли переносить немалые трудности. Однажды, они, прихватив с собой настоящий спасательный круг, отправились купаться на противоположную сторону озера «Домашнее». Это красивое место с зелёным травянистым берегом, уходящим в тёплое мелководье. Здесь как будто кто-то специально раздвигает камыши, открывая солнечную панораму летнего дня, а озёрное зеркало таинственным и двусмысленным образом переворачивает вверх ногами часть деревни вместе с домом д. Сергея; отражённое небо придаёт озеру бездонную глубину и завидную вечность спокойного созерцания живой природы, которая с любопытством однажды наблюдала, как два малыша медленно, но уверенно продвигались в сторону заветного берега, стойко перенося всякую кровососущую живность. Досталось

немного и спасательному кругу: он слегка потёрся о дорогу, когда они, как два дружных муравья, волочили его за собой, взявшись за верёвочки. Конечно, эта история закончилась благополучно, потому что б. Лида вовремя задала всем вопрос: «А где дети?». После чего последовали быстрые поиски... Женя в детские годы отличалась бесстрашием. В детском саду воспитатели жаловались, что она дерётся и это может быть от того, что ей не нравятся её сверстники, которых она «разметала» направо и налево. Впрочем, дома неплохо они играли с М. В.: катались по комнате на велосипеде; как-то из прихожей перенесли телефон в свой игровой уголок, обрезав ножницами кабель; однажды, на улице, спланировали с крыши сарая на большом

железном листе и с грохотом приземлились в ограде, после чего М. заплакал, а Женя засмеялась, радуясь этому недолгому полёту. Обе любили пройтись в модной, но огромной для их возраста обуви. Жители наших двухэтажных домов могли наблюдать, как Женя прогуливается в маминых австрийских туфлях, при этом десятисантиметровые каблук тащились сзади. Лариса как-то облюбовала сапоги, но преодолеть вместе с ними грязную лужу было просто ей не под силу, о чём и сообщила нам вовремя наша соседка. Своим умением красиво двигаться Лариса выгодно отличалась от своих сверстниц: как-то раз было даже неудобно перед гостями-родителями, когда их девочка, стала танцевать под музыку и получила от всех комплименты, но тут присоединилась Лариса... Лариса училась в Х-Мансийской музыкальной школе, а заканчивала учёбу в Барабинске, куда приходилось ездить из Таскаева. Деревянный дом этой детской музыкальной школы находился в самой близости от железной дороги, которая тоже, как могла, свистела и стучала своей многоголосой деловой жизнью. (2020 год)

## Судьба - Железная дорога

*Напрасно ждать хорошего прогноза:*

*Сорели угли в топке паровоза,*

*Пар выпущен, и машинист пропал,*

И стрелочник рукою помахал. Что нас связывает с железной дорогой? Размеренный, монотонный стук вагонных колёс, романтика передвижения в тесной компании случайных пассажиров? У меня чаще - терпение дорожных неудобств, ожидание трудностей сдачи очередной сессии в институте; но поездка домой, даже «зайцем», после выполнения учебной программы, всегда вносила оптимизм заслуженного настоящего интеллектуального удовольствия, не сравнимого ни с какими календарными праздниками. В общем, часто я сталкивался с железной дорогой, её вокзалами, билетными кассами и станциями, но только участвовал в этих передвижениях как пассажир, чего не скажешь о некоторых моих родственниках. Всю жизнь на железной дороге трудился В.И. Колотыгин, который начал кидать уголь в топку паровоза в свои молодые годы и продолжал «подрезать» топку и поддерживать давление в паровом котле всё то время, пока его родные сёстры, Галя и Лида, получали высшее образование. Всегда он был машинистом, а исчерпав свой профессиональный лимит, преподавал специальный курс в железнодорожном училище. От него мы тоже иногда могли услышать особо интересные факты о тяжёлой работе, где нужно было перекидывать в шуровочную нескончаемые тонны угля, или об опасности

высокого напряжения на электровозе. Даже бабуня прекрасно знала, что значит на паровозе «подрезать топку», или, значение слова «пантограф». Одно время его маневровый тепловоз можно было заметить, переходя через железнодорожные пути по виадуку. Сверху не раз наблюдали мы с Серёгой эти точные продуманные движения железных колёс, угадывали предупреждающую тревожность о движении или остановке локомотива, слушали прокатывающийся по составу лязг сцепок; могли видеть и озабоченное знакомое лицо машиниста. Ещё было интересно на этом мосту попасть под горячий пар проходившего внизу паровоза, или даже со страхом успеть заглянуть в чёрную бездну его пыхающей трубы, не заботясь о своей чистоте. Д. В., уходя на «сорок восемь», т.е. на двое суток отдыха, иногда приезжал в Таскаево. Отец жарил огромных, пойманных «фитилями» карасей, ловко управляясь своими по жизни пропитанными мазутом ручищами, а ДВ, человек чистоплотный до безразличности, воспринимал этот въевшийся мазут как особый вариант поварской стерильности. Покупалась водка, либо трёхлитровая банка портвейна и текла непринуждённая беседа о погоде, рыбалке и работе. Может, однажды, после такой беседы они почувствовали, что их компания неполная и отправились в Новосибирск провести своих повышающих квалификацию жён, Лиду и Юлю, тем более что с попутным электровозом доехать до места можно было бесплатно. Благополучно добравшись до города, они обнаружили, что из адреса помнят только улицу. И вот они, уставшие от поисков, присели на скамейку возле какого-то дома. Смотрят, - вроде знакомая женщина в проёме окна. Присмотрелись... - А это ж моя Юлька! - А вон и Лидка! В общем, родственные связи поддерживались не только дома. Как-то эта небольшая компания отдыхала на Украине; но это уже другая история с интересными и приятными воспоминаниями о вокзальных передвижениях и поисках жилья, о плавании в уютной лодочке по Днепру и посещении Массандровских погребов... В качестве бухгалтера и главного ревизора Западносибирской железной дороги работал Иван Андреевич - мой дед по матери. Дядя Ваня, мой дядька по отцу, тоже в своей родной деревне долго не задержался и по окончании В.О. войны начинал работать на грузовых составах в качестве кондуктора, сцепщика. На пенсии он продолжал работать в электровозном ДЕПО. Его жена, наша т. Соня, работала проводником. Однажды, по дороге из Новосибир-

ска, я случайно попал в вагон, в котором сразу услышал её знакомый, с украинским оттенком, громкий голос...

*Судьба – железная дорога –*

*Летит от самого порога.*

*С железных рельсов не свернуть.*

*Стучат колёса, - снова в путь!*

Иногда я приезжаю в Барабинск навестить родственников и слышу всё те же, эхом отдающиеся знакомые живые звуки железной дороги. (01.02.2020 год)

## Сазаны и подснежники

*Метель весенняя, из лепестков, кружит;  
Как будто лёгкий снег от яблони летит  
И превращается в подснежники – цветы.*

В траве шевелят плавниками сазаны. Сегодня Ларису поздравляли с 41-летием. Пожелания в её адрес были очень серьёзные, с учётом её героической семейной стойкости и неудержимой творческой активности. Получилось, что для пятерых детей необходимо, больше всего, - терпение, для хореографических находок и рукоделия – полёт творчества, а уже на всё на это необходимо железное здоровье. Вдруг она спросила: «А помнишь, как вы с дедом ездили на рыбалку и привезли подснежники?» На счёт привезённых цветов моя память молчала, но я вспомнил тот майский солнечный день, когда мы с отцом делали небольшой привал на окраине берёзовой рощи, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя после благополучной рыбалки. В тот день, утром, на озере была поставлена крупная сеть, из которой отец еле успевал выпутывать сазанов, а я перетаскивал пойманную рыбу в укромное место на берегу. Мешки быстро заполнились, и оставалось довести улов до безопасного места, минуя рыболовную инспекцию. И вот напряжение опасности спало: озеро далеко, инспекция позади и можно немного отдохнуть. Остановились перевести дух недалеко от деревни, между ранеточным садом и берёзовой рощей. Рядом проходила траншея с земляным валом. Это садовое ограждение когда-то было для нас вполне преодолимым рубежом: с осторожностью проползали мы через это препятствие, растворяясь в кустах малины; наевшись спелых ягод, выбирались обратно, либо, завидев сторожа-объездчика, кубарем катились вниз и, поцарапанные, но счастливые, от случившегося приключения, улепётывали в безопасное место. Однажды, убегали от этой садовой охраны, подхватив под руки товарища, который повредил ногу, неудачно прыгнув в этот ров. Мы с историческим интересом оглядывая эти, с детства знакомые места. С чувством исполненного долга, достали бутылку водки, взятую на всякий случай, и прилегли, по-видимому, среди тех самых подснежников, о которых упоминала Лариса. Весна была в самом расцвете своего цветения, и

мы с удовольствием вспоминали недавние события, смотрели на берёзы, сок которых мы пили в детстве, под которые приходили в летние праздники, и которые отец всегда помнил всё такими же, большими и развесистыми. Рыба была привезена домой. До конца дня велась её обработка, и ночью мне снились подснежники, среди которых в тени рощи плавали сазаны. А первые весенние цветы произвели на Ларису большее впечатление, чем мешки с рыбой: её женское начало, настроенное на прекрасное, и в дальнейшем получило продолжение в изобразительном творчестве и хореографической выразительности. Вообще, рыбалка в деревне - серьёзное подспорье для пропитания. И, порой, неважно, рыбак ты, или нет – заготовить нужный продукт в нужное время никогда не помешает. А так как на определённые рыболовные снасти и вид рыбы существует запрет, то к трудностям погодным и техническим прибавляется риск быть уличённым в незаконном рыбном лове. Элементы романтики и даже некоторая удаль здесь воспринимается как бесплатное приложение к жизненному разнообразию, о котором многие местные жители могут рассказать, как о главных событиях. Парочку таких забавных случаев я тоже могу вспомнить... Однажды на озере я ставил рыболовную сеть и услышал вдалеке, шум моторной лодки и думал, что успею выбраться на берег, но не успел. На большой скорости блюстители закона отрезали мне путь к берегу, и, страшно собой довольные, улыбающиеся, пригласили забраться к ним в катер для составления протокола, и тут же рассказали мне о том, что они в данный момент выехали испытать новую технику. Мне стало понятно, почему я не успел выбраться на берег. Это было время появления мощных японских моторов, преимущество которых над нашими я оценил вот таким неожиданно плачевным образом. В

следующий раз, рыбачили на речке. С утра поймали по два ведра чебака «на брата» и решили рыбалку повторить. В тот же день приехали на рыбное место, но следом появились рыбадзоры, поэтому, чтобы нас ни в чём не обвинили, средство лова, бредень, откинули от себя подальше. А время шло, охрана не собиралась менять свою дислокацию, проверяя транспорт на наличие рыбы и снасти: не оставалось ничего, как убраться восвояси. Но как вывести дефицитный бредень? Принимаем решение: закидываем снасть в корыто мотоцикла, и я один, налегке, разгоняюсь по ложбинке вдоль реки, чтобы потом выскочить на дорогу. «Буханка» немедленно начинает догонять, я предусмотрительно «лечу» на верх, надеясь, что машина так просто не преодолеет это препятствие; но сила инерции быстро заканчивается, «Днепр», буксуя на мокрой траве, снижает скорость до лёгкого бега; дорога совсем близко, но группа захвата выбегает почти на ходу из машины и на последних секундах моего скоростного вынужденного бессилия успевает догнать: кто-то сзади в смелом прыжке хватается меня за шею – отпускаю руль и оказываюсь прижатым к земле подоспевшими преследователями, мотоцикл при этом ещё некоторое время

*движется без меня... (Май, 2020 год)*

## Дом культуры

*Старый Дом культуры! Приходили*

*Мы сюда частенько. Находили*

Время для досуга: песни пели Под гитару и кино смотрели. В Таскаеве это уже третье по счёту культурное заведение, выгодно отличающееся свежим дизайном и приличным штатом музыкальных и досуговых специалистов от своих предшественников. Но, с детства, я помню другой Дом культуры, давно сгоревший, где в фойе стены и потолок сверкали цветным стеклом, а зрительный зал всегда был набит зрителями на взрослый и детский сеансы. Огромный лозунг «Слава КПСС», составленный из лампочек накаливания, расположенный по обеим сторонам крыши, напоминал о нашем светлом будущем. В вечернее время эти большие буквы создавали перед клубом волнующий полумрак, в жёлтом свете которого появлялись и таяли прогуливающиеся пары. Кто-то мог привлечь особое внимание, подъехав на мотоцикле. И как здесь не вспомнить Гену К., который «при всём параде» чинно, важно подкатывал на своей сверкающей никелем Яве, где, для полноты картины, сзади, целомудренно сложив ноги на одну сторону седла, могла пристроиться какая-нибудь девица. Через огромное лобовое стекло улыбающийся Гена вместе со шляпой и женским вниманием смотрелся в своей деревенской неотразимости совершенно недостижимо. Там, в детском возрасте, устраивали мы давки за билетами на военные фильмы. Иногда, после детского просмотра незаметно прятались на сцене в складках бархатного занавеса, ожидая в пыльной темноте начала взрослого сеанса, который нас особо не интересовал, но сам процесс тайного проникновения в зрительный зал вносил волнительное разнообразие в наши незатейливые развлечения. На смену вечерних прятков приходило юношеское внимание к девочкам на вечерних танцах.... Было и время увлечения самодеятельной музыкой: наш ВИА исправно играл на танцах и праздничных концертах местного значения. Есть ценный снимок, где с серьёзными лицами своей исторической значимости и музыкальными инструментами запечатлены В. Батраков, С. Куркин, В. Лапин, Н. Мельников и А.К. Новикова - директор ДК. Снабжённые музыкальной аппаратурой и костюмами, мы развлекали по советским героическим праздникам трудящихся совхоза, но больше всего, особенно в поездках по деревням, развлекались сами: после концерта автобусное песнопение под баян переходило в застольное финальное заключение в фойе родного клуба. Только однажды такой выезд обошёлся не

совсем гладко: повеселив публику на К.Я., мы, под морозящим дождём, загрузили аппаратуру в кузов грузовика и зашли на посошок в фойе клуба... Тем временем, водитель неосторожно заехал в какую-то яму и почти все музыкальные инструменты благополучно высыпались в мягкую грязь. И всё бы обошлось, но машина дала задний ход, и под её колесо попал клавишный инструмент.... Это невезение мы объяснили тем, что после быстрых сборов, чуть отъехав от своего клуба, вспомнили о забытой электрогитаре и, к суеверному несчастью, вернулись за ней, что и, действительно, оказалось плохой приметой.... Нам всегда нравилось ходить на репетиции, участвовать в почти импровизированных выступлениях. Это было время настоящего самодеятельного творчества, может даже больше смешного, чем приличного, но самообщение с людьми тоже имело не малую ценность. Долгое время в этом Доме культуры работал музыкант, художественный руководитель Виталий Батраков. Витя, так мы его звали, был человеком свойским и любителем выпить, но не лишённым гордости и самолюбия. Это помогло ему быть хорошим музыкантом и, насколько это можно было, во время загулов - приличным человеком. В тандеме с Лидой - женой-хормейстером, женщиной очень самолюбивой и строгой, - они добивались очень приличного хорового звучания, строго распределяя всех по голосам и требуя чистоты исполнения, хотя их семейные отношения, из-за Витиных пристрастий к рыбалке, охоте, спиртному, оставляли желать лучшего. Конечно, интеллект, замешан-

ный на деревенском воспитании, имел свои границы, но музыка, сама по себе, воспитывает человека и преображает. Может поэтому, Витя, собираясь вместе с женой переехать в Германию, бросил пагубные привычки и стал рассуждать, например, о том, как он сможет жить среди европейцев. В это, абсолютно трезвое время, появлялись новые знакомства. С Харитоновым, человеком в российском масштабе представительным, Витя однажды ездил в Москву и был представлен самому Жириновскому, как сибиряк и самобытный музыкант; после чего он, по- дружески, исполнил ему свою песню. Одним летом мы с Витей занимались рыбалкой: на Сартлане ставили сети. Если был хороший улов, то ехали утром в Барабинск сбывать рыбу; затем, после короткого отдыха, в ограде разбирали, распутывали сети. Эту скучную работу можно было разнообразить только чаем, да непринуждённой беседой, что мы с удовольствием и делали, рассуждая о политике, подрастающем в лице наших дочерей непростом поколении... Иногда, если были голодны, Лида нас кормила чем-нибудь вкусеньким. В доме было очень уютно и чисто, а настроение у всех было наполнено ощущением трезвой жизни и ожиданием перемен. Всё это придавало всему какую-то торжественно-грустную тайну, которая вот-вот и откроется... Иногда Витя брал свой шестиструнный инструмент, чтобы поделиться новым вдохновением, либо показать очередную разученную им песню.

Когда-то давно мы, по его инициативе, у нас дома (в квартире над почтой) на двух гитарах разучивали грустную есенинскую «ты жива ещё, моя старушка...». Потом он стал учиться музыке в Новосибирске, и через какое-то время мы встретились с ним на студенческих каникулах в гостеприимном доме у А. Карловны, которая иногда угощала нас «царским напитком», поддерживая, как директор ДК, наше музыкальное братство. И вот, в какой-то момент этой весёлой встречи, он, как бы просто, невзначай, сел за пианино и, для начала, исполнил «Повесил свой сюртук на спинку стула...», после чего мы поняли, что перед нами – настоящий музыкант. Шли годы, расставляя всё по своим местам. Назревали какие-то неожиданные изменения, связанные с местом жительства, социальным статусом. На фоне этих больших тревожных ожиданий один случай вообще остался незамеченным, т.е. мы не обратили на него особого внимания... Этим же летом на очередной рыбалке у нас прохудилась резиновая лодка, а до берега оставалось не так близко. Я грёб вёслами, а Витя, чтобы нам дольше оставаться на плаву, сколько мог, поддерживал края уходящей под воду лодки... В общем, искупались, конечно, но отделались лёгким испугом. На следующий день, разбирая «полёты», Витя сказал: «Я буду всегда до последнего, изо всех сил бороться за свою жизнь». И жизнь набирала обороты: открывались новые горизонты, появлялись завидные перспективы, но судьба распорядилась по-своему: однажды трое рыбаков-любителей утонули в водах Сартлана. Конечно, в тот последний раз своего отчаянного желания жить, он, наверняка, делал всё, что мог, пытаясь спасти себя и своих товарищей; но одного его спасательного жилета, на троих, видно, не хватило; да и кто знает, как там всё было на самом деле... Так вот «ушёл, не попрощавшись...», друг, музыкант и просто человек, именем которого назван Таскаевский Дом культуры. Ещё раньше моя мама (б. Лида), оказавшись в Таскаеве на учительской практике, посещала другой деревянный, низкий, похожий на большую избу клуб. Однажды она попала на местное театральное представление, где какую-то героическую роль играл мой будущий отец... Все зрители были друзьями-товарищами артистов, поэтому многих занимал не столько сюжет, сколько смелость выхода на сцену, примеренная к возможности собственного участия в каком-нибудь спектакле. Небольшое помещение сближало зрителей с артистами до расстояния искреннего сопереживания и даже словесного ободряющего участия в таком непростом и волнующем культурном событии. Непрофессионализм артистов с лихвою покрывался их творческой находчивостью. Случалось, что действующие лица от волнения забывали слова, или нарушали очерёдность своих реплик, но любительский азарт делал чудеса: начиналась словесная импровизация, разбавленная порой диалектными словами, междометиями и остроумными

подсказками со стороны зрителей, что особенно всех веселило и делало пьесу действительно народной и неповторимой.

## Сентябринки

*Твой профиль осенний, туманный*

*Рисует забвенье из струек воды.*

*Огонь сентябринок прощальный*

Горит среди жёлтой листвы. "Сентябринки" - звукозапись песни, которую мы получили как дружеский привет из Таскаева. Появилась она от авторского содружества Семёна и Лены Ландарь. Это целый кусочек нашей драгоценной молодости, в которой кто-то из нас так и остался вечно молодым, но продолжает жить лирической радостью той прошедшей осени. Не мало времени прошло с тех пор, как впервые прозвучала она по случаю юбилейной даты Н.И. Савина. Недавно этот плод вдохновенного исполнения получил общественное признание и заслужил официальный статус своего существования на конкурсе бардовской песни, где были оценены её музыкальные, исполнительские достоинства. Жалко, что с годами не все могут разделить этот музыкальный творческий успех, поэтому, у песни есть ещё и своя лирическая память тех лет, ожившая грустной улыбкой печальных глаз той, ушедшей в вечность далёкой осени. Проникновенно и трогательно Семён и Рита исполняют эту песню, у которой с годами и десятилетиями обязательно появятся новые продолжатели этой исторической и лирической памяти, связанной, прежде всего, с жизнью села «Таскаево».

## На заре туманной юности

*Студёная зима в оконной деревянной раме  
Расставила хрустальные деревья. На поляне  
Возник сугроб. На нём для красоты  
Мороз нарисовал свои колючие цветы.  
Кругом валяются в снегу дома.  
Сидят на крыше солнце и луна.  
Виднеется тропинка через лес, -*

Она ведёт в страну чудес. Детство осталось в далёком прошлом, но не перестаём мы иногда возвращаться в его беззаботные годы, перебирая в памяти мелкие радости

новых открытий, выстраивая цепочку событий нашего взросления и становления. Из этих ранних лет память выхватывает лишь калейдоскоп картинок: первый снег, пахнущая праздником ёлка, на одной из веток которой покачивается похожий на наш, уютный стеклянный домик; он покрыт толстым слоем нарисованного снега, а из единственного окошечка льётся красный свет. В нашем доме на ул. «Рямовская» было три небольших окна. В одно из них, со стороны улицы, я мог наблюдать, как мама, уходя на работу, оглядывается и машет мне рукой, такому самостоятельному и храброму, что остаюсь дома один. Помню Первое сентября. Одеваю форменную гимнастёрку, застёгиваю ремень, выхожу на крыльцо, чувствую особенный в этот день прохладный туманный запах багульника, цветов, приготовленных по такому случаю, а, главное, ощущение чего-то невозвратно уходящего. Совершенно неосознанно прикручиваю к ручке входной двери какую-то попавшуюся под руку проволочку, как бы фиксируя важность события. За огородом начинался рям, в котором можно было собирать грибы, бруснику и просто весло проводить время. В детстве мы там строили шалаш, землянку, купались в небольшом озере, добираясь туда по зыбкой болотной лабзе. Окружённое со всех сторон деревьями тёмная стеклянная гладь озера, не потревоженная ветром, с особой ясностью отражала каждый листочек, травинку и нас, наверное, таких смешных в своей детской непосредственности, уверенных, что в этом болоте нет дна и что Колчак, проходя через Сибирь, именно здесь затопил какие-то ящики. Плавали мы только на поверхности, так как внизу было темно и холодно, а выбирались, вытягивая друг друга из воды при помощи длинной берёзовой ветки. Постройка на нашей улице первого в деревне двухэтажного дома вносила немало разнообразия в наши развлечения: бегали по лабиринтам недостроенных комнат, взрывали бутылки с карбидом. Одним летом из строительных металлических лесов собрали в укромном месте вышку, дотянув её до макушек высоких берёз. Чтобы сооружение не упало, привязали его к верхней части ближайших деревьев на проволочные растяжки. Эффект был сверх ожидания: близость к облакам и птицам добавляла нам бесшабашной свободы. Забравшись на крышу, можно было наблюдать жизнь деревни. Лёгкий ветерок шелестел листвой, раскачивал деревья вместе с нами и патефоном, который аккуратно был поднят на верх для особого комфорта. Звучали какие-то песни, а, главное, - вращался диск: подгоняемый солнечными бликами, он добавлял нам весёлой беззаботности и ощущения совместного движения с облаками Землёй и Солнцем. Рождались детские мечты. Постепенно мы выросли, и окружающая природа вместе с нами обретала душу: «Там явится ручей среди снегов, на всю округу будет он готов поведать звоном о своём рождении – склонятся ветви в слёзном умирании».

Вместе с аттестатом о среднем образовании нам выдавалось удостоверение тракториста машиниста. Не один я после школы сразу устроился в ПМК, познавая труд механизатора в недельных командировках. Распахивая целину, жили мы в вагончиках на колёсах с паровым отоплением, нижними и верхними спальными местами, отдельной столовой. Сделав работу в одном месте, всем «табором» перемещались на другое необжитое природное пространство;

и снова шли в ход плоскорезы, фрезы, дисковые бороны.... На новом месте из ближайшей деревни появлялась новая повариха, которая неизменно вносила разнообразие своими кулинарными способностями. Её женское присутствие, так или иначе, не оставалось без мужского внимания и в некоторых случаях, могло иметь продолжение, вплоть до свадьбы. В зимнее время занимались вывозом перегноя на колхозные поля и в этом случае жили в общежитии, а местом питания становился какой-нибудь частный дом, в котором хозяйка этого жилья нас кормила, как на убой, три раза в день. Вообще жизнь была относительно вольная и, «оторвавшись от своих подруг», бригада почти в полном составе могла устроить массовое веселье на деньги, заработанные у местного населения вспашкой огородов или вывозкой леса. В один из таких холодных вечеров, когда ударили первые морозы, случайно замёрз совершенно безобидный молодой мужик по кличке «Завал»: вышел на пять минут и не пришёл. Вспомнили о нём только утром...; да и не он один так глупо закончил свою жизнь; но и работать могли круглосуточно, засыпая на несколько минут в кабине своего трактора. После армии продолжал работать в ПМК шофёром на обслуживании отряда: привозил, отвозил работников, доставлял запчасти, продукты. Работал слесарем на специальной машине «техпомощь», занимался электросваркой. Однажды в одном из отрядов вышли из строя два трактора, которые нужно было доставить в ремонтную мастерскую. К-700 нуждался в ремонте турбокомпрессора, вместо которого была поставлена заглушка; и в этом случае двигатель работал, но сильно дымил и значительно терял мощность, которой, между тем, хватало, чтобы с трудом тащить на буксире тяжёлый гусеничный трактор С-100. В общем, двое суток мы добирались по пересечённой местности до ремонтной мастерской. В какой-то деревне переночевали, где-то по дороге останавливались, чтобы подкрепиться молодыми росткам борщевика. Если дорога проходила через какую-нибудь деревушку, то рёв двигателя, дым до облаков и лязг гусениц заметно привлекал жителей, которые ещё и чувствовали, как под ногами у них дрожит земля. Конечно, молодые годы самые беззаботные и многообещающие. Не обязательно было стремиться к высшему образованию: квалифицированный

рабочий получал гораздо больше руководителя среднего звена, поэтому иногда самые умные и способные к учёбе сверстники устраивались на заводы, не обременяя себя лишними школьными знаниями. Иногда, природный интеллект таких «умных» работников требовал духовной пищи в виде книг, театра, разговоров на интересную тему; поэтому существовала настоящая рабочая интеллигенция с культурными запросами. Именно из таких культурных людей был Сергей Б. – школьный товарищ с первого класса. Конечно, в основном, школьные выпускники разъезжались кто куда, но немало парней оставалось в деревне, при этом чувствовали они себя совершенно счастливыми и благополучными. От службы в армии не отлынивали, так как приспособленчество не было нормой. Служили два – три года. Это было почётное исполнение гражданского долга перед нашей Родиной. Армейская физическая и нравственная закалка хорошо готовили к настоящей трудовой жизни. Мужская полноценность заключалась в преодолении трудностей, поэтому бесстрашно расставались мы с уютной домашней жизнью, друзьями, подругами; привыкали к казарменным условиям, очередным и не очередным нарядам, приказам, караулам. Письма становились единственной важной и драгоценной связью с обретающим особую ценность гражданским миром. Появлялись новые друзья-однополчане. Все они были из разных городов и союзных республик, поэтому, в форме рассказов каждого о своей лучшей в мире родине, знакомились мы с некоторыми особенностями географии и культуры своей огромной многонациональной страны. В армейском альбоме – знакомые лица однополчан из разных городов и бывших союзных республик, с которыми, теперь, не так просто встретиться из-за появившихся новых границ. (20.02.2020 год).

## Фотография

*Улыбку дня, похожую на сон вчерашний*

Отыщем в памяти альбомного листа. Фотографии в каждой семье занимают своё традиционное место. Они помогают восстановить в памяти разного рода события, а с годами обретают особую ценность, продолжая жить вместо наших близких и знакомых людей. Раньше они хранились в специальных альбомах, в которых можно было узнать своих молодых родителей и найти другие редкие снимки своих предков. С техническим развитием фототехники появилось много любителей заниматься этим интересным делом. Существовали специальные кружки, в которых можно было узнать, что такое выдержка и диафрагма, познакомиться со свойствами проявителя и фиксажа и т.д. Я оказался одним из таких любителей, и родители совершенно не напрасно купили мне фотоаппарат,

фотоувеличитель и прочие принадлежности. Особенно интересны были первые шаги, когда вдруг начинаешь понимать, что даже какое-то совсем незначительное явление, как ползущая по столу муха, вдруг превращается в застывшее изумрудное мгновение, перед которым отступает время вместе с его вечным движением. Так, однажды, мы всей семьёй специально выходили на природу, где среди берёзок и первого снега чёрно-белые снимки получились особенно привлекательными. Так я интуитивно начинал понимать, какую важную роль выполняет фон, контраст и свет. Дальше, по степени творческого подхода, появился абстрактный поиск чего-то особенного, интересного и неуловимого в природе и самом человеке. Это оказалось настоящим увлечением, в результате чего, на радость родственникам, получилось огромное количество фотографий, которые особенно любили рассматривать б. Лида и т. Галя. Для создания фильма нужны были фотокамера и кинопроектор, которые стоили ещё дороже, и которыми надо было ещё уметь пользоваться, не считая приобретения навыков обработки самой киноплёнки. На эти хлопоты уходила уйма времени, но, именно в этой творческой работе и формировалось ремесло создания изображения предмета, где появлялся какой-то художественный вкус и чаще возникало желание замечать и сохранять эстетическую и историческую суть нашей жизни, усложнённую чьим-то вопросительным взглядом. В настоящее время, такого рода творчество кануло в Лету, и цифровые фото, как развлекательные картинки, заполнили наши гаджеты. Сейчас очень просто сделать хорошее цветное фото, не думая о технической стороне и материальных затратах, хотя это и не делает всех заправскими профессионалами, нацеленными на действительно содержательные снимки. Фотография – точный свидетель маленьких происшествий и больших событий, с которыми можно всю жизнь не расставаться. Раскрыв старый альбом, можно оказаться в другом времени и вспомнить многих людей, с которыми ты не успел поговорить, или о чём-то их спросить. Все они – часть нашей детской, или взрослой жизни, поэтому им и сейчас можно рассказать о своих делах, или у кого-то спросить совета. Это наша жизнь, в которой мы тоже, как и наши внуки, не всегда были достаточно внимательны к человеческим ценностям. Редкие фотографии, дошедшие до нас из далёкого времени, всегда имеют особое историческое значение. По ним можно живее представить какие-то интересные факты из жизни наших предков. Вот д. Сергей на массовом снимке выпуска младших командиров, ещё до начала В.О. войны. Мог ли он предполагать, что впереди ещё несколько лет невероятных испытаний, из которых он, неоднократно раненый, и отмеченный наградами за боевые заслуги, с честью воина – победителя вернётся домой, чтобы возглавить колхоз и продолжить путь строителя социализма.

Есть такой снимок, где он со своими односельчанами запечатлён на фоне бревенчатой стены Сельского совета. Событие это происходит, скорее всего, в осеннее время года, когда уборочная страда позади и наступило относительное трудовое затишье, и можно на правлении колхоза, или на собрании коммунистов ставить новые цели для решения насущных хозяй-

ственных задач. По какому случаю был сделан этот массовый снимок? Кто перед нами? Колхозные активисты, коммунисты? Все четырнадцать человек одеты по-разному, кто во что. Видимо они ориентировались не на погоду, а на всё лучшее, что у них сохранилось на вешалке в этом трудовом и непрехотливом послевоенном времени. Здесь можно видеть разного фасона пальто, телогрейки, тужурки, пиджаки, шинель и гимнастёрка. Так же у всех на голове разные по форме фуражки, из которых самые примечательные, военного образца, у председателя и участкового милиционера. Первый ряд, из двух человек, расположился полулежа на соломе. Впереди одного из сидящих – винтовка, которую он мирно, как палку, наклонил на плечо и слегка придерживает руками. С этим оружием они, воспитанные в духе ненависти к капитализму, могли запросто все, как один, запеть известную революционную песню:

*Наш паровоз вперёд лети*

*В Коммуне остановка.*

*Другого нет у нас пути –*

В руках у нас винтовка. Выражение лиц у этих, начинающих жить мирной жизнью односельчан, серьёзное, и даже у кого-то – торжественное. Если присмотреться внимательнее, то на заднем плане, в проёме оконной рамы, можно заметить два женских любопытных лица, которые, возможно, оказались там совсем не случайно, но при этом совершенно ясно, что эти сельские труженицы, точно, беспартийные и не входят в состав правления колхоза, потому и находятся не на самом видном месте. Тем не менее, они попали в кадр. Им наверняка удалось рассмотреть фотографа, которого нам не видно, человека интересного уже потому, что он приехал из города, и в его манерах и одежде можно угадать намёк на привлекательную близость к изобразительному искусству; хотя это всё наши предположения, потому что иного такого творческого представителя можно и не заметить среди прочих граждан, разве что узнать его по большому фотоаппарату на деревянной треноге.

*По фотографии так сразу не понять*

*Всей важности советского собрания.*

*По лицам коммунистов что сказать?*

*Не видно в них ни страха ни страданья.*

*Узнать бы о делах. Какой их ждёт успех?*

*Но подбирать слова приходится за всех:*

*Они, скорей всего, у Сельского совета*

*Собрались в светлый праздник Октября,*

*А может, просто, захотелось навсегда*

*Увековечить Красный день календаря.*

Простая радость будничного света В глазах живой души застыла, как заря. Этот снимок притягивает своей исторической неповторимостью, деревенской простотой и незримым присутствием других людей, родственников, которых нет на снимке, но они где-то рядом. Мы их не видим, но они совсем близко. Одетые в телогрейки, или в праздничные плисовые жакеты с полушалками и валенками, они там, в своей жизни занимаются своими делами и живут среди деревенского мычащего и кукарекающего хозяйства. Никто не мешает нам, включив воображение, оглянуться по сторонам и узнать знакомое лицо, или услышать в холодном осеннем воздухе ожившие звуки и голоса продолжающейся в нас жизни.

*Приблизимся поближе. Будто невзначай,*

*Заговорим на языке знакомом. Отгадай,*

«Каво» хотели вы сказать? «Пашто?» Мы ищем продолжение истории давно. Вот и нашу жизнь, тоже можно сравнить с фотографией, по которой скользим мы своим взглядом по календарным будням жизненной продолжительности, оцениваем её по своему разумению и оставляем за кадром её незримую, но живую стихию, наполненную разными людьми, громадными планами и прочими соблазнами. Это единственная часть нашей жизни, в которой нам никто не

запрещает думать и мечтать так, как хочется. Вот она свобода действия и творчества, готовая вырваться наружу, но окружённая бытовым комфортом и ленью, готова до конца дней жить внутри нас, подстраиваясь под среднее «как все, так и я». Процесс создания снимка требовал материальных затрат и умения, поэтому каждая фотография была на вес золота. Семейные фотографии делались в ателье и бережно хранились в рамочках на стене комнаты, или в альбоме. Одна такая семейная фотография, сделанная, скорее всего, в Барабинске, хорошо сохранилась. На ней особенно серьёзно выглядят маленькие дети – мои родные дядьки. Кажется, они, окружённые политическим духом того времени, уже по-взрослому настроены на преодоление жизненных трудностей строителей коммунизма. Между тем, на коленях у главы семейства – гармошка, на которой он никогда не играл, и,

может поэтому, кажется, что здесь всем не так уж и весело. Но этот музыкальный инструмент здесь, возможно, не просто украшение, а, согласно тому героическому времени, намёк на то, что «нам песня строить и жить помогает». Вообще, деду Сергею, как колхозному руководителю и сельскому жителю, может, и не было времени заниматься музыкой. Только в День победы, он мог запеть свою любимую «На позицию девушка провожала бойца...». Но, у его сына Ивана, переехавшего из деревни в город, всегда был баян; и, значит, раздавались там какие-нибудь «Амурские волны», скрашивая неприветливую жизнь в барачном доме у самой железной дороги, заглушая стук колёс проходящих поездов. Из этого же послевоенного времени есть редкий снимок семьи Колотыгиных, где они в летнее время находятся на прогулке. Можно представить, как дружная семейная компания продвигается по зелёной аллее. В центре – Иван Андреевич. Он в светлом костюме и с папиросой у рта. Вот они приостанавливаются, чтобы сфотографироваться... Судя по их радостной сдержанности, это происходит в какое-то свободное от работы время. Между тем, позади годы лихолетья и выживания, которые могли в их лицах оставить какой-то печальный неизгладимый след; и может нужно только внимательно взглянуть в их глаза, чтобы увидеть особый отпечаток того послевоенного времени и почувствовать, как они все по-настоящему научились ценить каждую счастливую минуту среди близких людей. С годами жизнь накладывает на нас столько житейских отпечатков, что некоторые из них начинают преобладать над остальными; и вот он – наш портрет человека радостного и грустного, тревожного и безразличного, с глазами пустыми, или умными.... Чтобы выглядеть на фотографии как-то привлекательно, нужно быть либо человеком совершенно непосредственным, либо артистом. Проще говоря, естественное выражение лица всегда самое привлекательное, к чему все и стремятся, не забывая добавить и свой оттенок определённой значимости. Чаще мы стараемся обращать внимание на то, как мы счастливы в окружении родственников, или, совершенно довольны своим местом нахождения на природе, в туристической поездке, на работе. Так уж человек устроен, что он всегда готов подтверждать свое существование в этой жизни. Наше живое присутствие, где угодно, может нести невероятное разнообразие подтверждения того, что, мы не только живы, что совсем немаловажно для нашей короткой жизни, но и, что мы – не хуже всех, и даже в чём-то интереснее своих сверстников. Все мы, до известной степени, можем «пустить пыль в глаза», вплетая свою украшенную картинками личность в социальную, историческую значимость нашей жизни. Да, это яркая, наглядная память, которая особенно хорошо начинает работать, когда мы открываем фотографический альбом.

*В альбоме жизнь наперечёт:*

*Земные радости, страданья.*

*Глаза знакомые о многом говорят,*

*В порыве доброго признанья.*

04.11.23г.

**ГЛАВА**

**II**

## **Эта весёлая жизнь**

Каждый из нас готов припомнить какой-нибудь случай, который может вызвать добрую улыбку. Впрочем, сама жизнь, это и есть наш главный подарок, которому просто нельзя не радоваться. Может поэтому барон Мюнхгаузен говорил: «Улыбайтесь, господа улыбайтесь».

## Записано со слов В.Ф. и Л.С. Афанасьевых

*Улыбнёмся и припомним случай.*

*Веселись, играй душа, пока*

Не нагринула к нам туча; Но развеет ветер облака! На тему хорошего настроения можно вспомнить нашего В.Ф., который любил иногда пошутить и даже собирался некоторые занимательные истории, записать, т.е., на всякий случай, придать этим случайным наблюдениям бумажную устойчивость, которую нельзя вырубить топором. Такое намерение у него появилось, скорее всего не потому, что он когда-то поступал на филфак и теперь у него появилась тяга к эпистолярному жанру, а, просто, его профессиональная наблюдательность школьного директора с лёгкостью подмечала некоторые весёлые моменты из нашей жизни.

Однажды, в кабинете стоматолога, ему сказали, что у него рот маленький, наверняка, имея ввиду неудобства, которые они терпят, с трудом добираясь до зубов. Вроде бы в таком профессиональном наблюдении и замечании, со стороны врача, ничего особенного и нет; но это только на первый взгляд. «А, если подумать, то, где здесь, если не профессиональное, то хотя бы человеческое чувство такта, - думал В.Ф., - а что может подумать на моём месте кто другой?» А стоматолог, он ведь не в курсе, что перед ним сидит известный на весь район директор школы и бывший партийный работник, т.е. знаток человеческих душ, с первого взгляда определяющий степень вдумчивого отношения к окружающим людям, независимо от социального статуса и профессии им занимаемой;

поэтому он так и сказал, как его с детства учили, говорить правду: «Рот у вас маленький», в чём В.Ф. своим чутким неравнодушием к такому неожиданному для него открытию уловил лёгкую нетактичную претензию, которую, к тому-же, если это правда, на счёт размеров, совершенно невозможно исправить... Он, сидя в кресле, от нечего делать и невозможно-сти разговаривать вслух, ещё дальше углубился в суть этого оскорбительного панибратства и подумал: «А чему там вас вообще учат?» Может это мимолётное развлечение, вызывающее улыбку, сразу бы и забылось, не задев ничьё самолюбие, но, в скором времени, подобное деловое замечание он выслушал в парикмахерской. Когда ещё были свежи воспоминания о посещениях врача, где В.Ф. узнал о размерах своего рта, мастер – парикмахер заявил: «У вас маленькие уши», что совершенно озадачило В.Ф. и он подумал: «Они что, сговорились?» Он даже забыл о профессиональной этике и допустимости такого рода замечаний. Он узнал, что у него, оказывается, и уши совершенно для кого-то неудобны. Но здесь, вполне закономерно, стала неожиданно выстраиваться логическая цепочка, требующая предположить ещё какую-нибудь особую профессиональную оценку внешности, тем более что эта внешность, как полагал В.Ф., вполне прилична. «А вот интересно, что скажет офтальмолог на счёт глаз, - думалось ему, - может, что-то, связанное с коровой, или какой-нибудь национальностью?» Впрочем, В.Ф., как человек мудрый, к этому отнёсся с юмором, подумав о том, как по-разному можно видеть одно и то же, и сколько простых интересных людей находится вокруг нас. Эти люди имеют свою точку зрения и совершенно правильно оценивают обстановку, показывая свой широкий кругозор, из которого видно, что у них есть свои представления и убеждения не только о красоте человеческого лица.

Так В.Ф., однажды, зимой, выйдя в ограду своего дома, подумал: «Как надоело убирать лопатой этот бесконечный снег», но вдруг заметил в чужой ограде соседа, который спокойно по узенькой глубокой тропинке пробирался к своей заметённой снегом двери. Здесь между соседями произошёл коротенький разговор. Один серьёзно спросил: «Иван, а ты что снег не убираешь?». Второй с улыбкой ответил: «А кто его положил сюда, тот и пусть убирает!» Кто здесь прав? Если иметь ввиду В.Ф., то здесь налицо стремление к чистоте и порядку, но во втором человеке явно видна широкая, цельная натура, не желающая размениваться по мело-

чам? Может, поэтому его все знают, как человека весёлого и жизнерадостного. Кроме этого, он умеет отлично работать: в совершенстве владеет бензопилой, топором, но, видно, лишённый дотошной щепетильности, на такие мелочи, как уборка ограды, внимание не обращает. Кроме того, именно Иван сможет с удовольствием воспользоваться этим самым большим сугробом, как природным холодильником, который будет

работать до самого лета. Однажды, майским солнечным днём поставит он на эту рыхлую холодную поверхность какой-нибудь напиток. Скорее всего, это будет обыкновенное пиво, снежная прохлада которого, перемешанная с весенним солнцем, будет совершенно неповторима; и остатки снежной зимы, так, по-дружески, помогут радоваться весенним переменам, сохраняя в напитке бодрящий холодок уходящего зимнего времени.

Когда учились в институте, было тяжело: много занимались практикой, давали открытые уроки, играли на музыкальных инструментах, дирижировали, ходили в походы, работали в пионерских лагерях, занимались медициной, гражданской обороной, работали в студенческих отрядах». Бывало, на сельскохозяйственных работах студенты из деревни быстрее справлялись со своей рабочей нормой, и тогда, В.Ф. помогал отстающим быстрее пройти оставшиеся картофельные ряды. В таких трудных ситуациях он весело поддерживал приунывших от трудной работы своих однокурсников и говорил: «Да, тяжело жилось студентам в царской России», в чём был совершенно прав, хотя бы потому, что нынешнему поколению не надо идти в «народники», и рисковать жизнью для выполнения своего гражданского долга. После окончания института работа в школе тоже была не лёгкой. Ответственность за обучение и воспитание детей порой тяжким грузом ложилась на плечи учителей, которые в трудные минуты столкновения с особенными учениками и изнуряющей тетрадной проверкой, начинали роптать, жаловаться на жизнь; тогда В.Ф. мог сказать: «Знали, куда шли, извольте работать». После такого серьёзного к ним административного внимания, все чувствовали себя, если не стахановцами, то незаменимыми почётными работниками. Часто он это выражение использовал, работая директором школы. В зависимости от ситуации, мог произносить эти слова как в шуточной форме, так и с серьёзным выражением лица, в зависимости от того, что нужно сделать, разрядить обстановку добрым словом, или без всякой улыбки наставить кого на путь истинный.

На праздничных мероприятиях, за бокалом шампанского, с неизменной улыбкой говорил: «Видит, Бог, не пьём, а лечимся», что совершенно доказывало его знание некоторых человеческих слабостей, причём православный оттенок в этой поговорке давно потерял свою силу, превратившись в советскую атеистическую шутку, имеющую продолжение: «... И не по чайной ложке, а по чайному стакану. И не через день, а каждый день. И не пьянства ради, а чтоб не отвыкнуть». Это было время появления высказываний, не соответствующих библейской мысли, но направленных на наши личные качества и недостатки. Например, пословица, «На Бога надейся, а сам не плошай», тоже не соответствует Духу Христианского служения, но заставляет задуматься над ценностью своей личности.

Мы любим отдыхать на природных просторах нашей средней полосы с её бессчётными озёрами и лесными колками. Какое ещё можно придумать развлечение в деревне, если не новое знакомство с очередным уголочком природы, в котором обязательно будут какие-нибудь особенные деревья и кусты. И это не просто торчащие из земли травинки и прутьи, это место природного простора, в котором душа сливается со всем тем, что мило взгляду и, замирая, поднимается, с каждым разом, всё выше и выше, туда, откуда однажды не вернётся.

*Прожив земной короткий век, душа*

Зачем-то мчится прямо в небеса! Что делать ей среди чужих планет? В холодной вечности застыл ответ. В какую сторону не пойдешь, можно с удовольствием наблюдать природное разнообразие средней полосы: рассматривать раскиданные по гриве кудрявые колки, видеть над собой похожие на них облака и наблюдать их плавное движение в таком же светлом и маленьком озере. Вдруг налетит ветерок, играючи смешает дневные краски, разгонит облака,

раскачает отражённое в воде небо и превратит его в водяную пыль; но, к ночи, затихнет, и тогда луна тоже не упустит возможности покачаться на его тихой озёрной волне. Наблюдая это воздушное, земное и водное родство, невольно думаешь о своей житейской пригодности и продолжительности, где тоже есть своя высота и ветер, иногда гуляющий в твоей голове. Однажды осенью мы реши на автомобиле отъехать в сторону местного лесного хозяйства. Это был пасмурный, холодный день, но «У природы нет плохой погоды», поэтому мы, ориентировались лишь на выходной день и на печальные остатки осенних красок.

*Накроет осень летописным сводом лет:*

*Покажет у просёлочных дорог наш след,*

*В зеркальной глади отразит привет,*

Запишет свой на бересте памфлет. Сразу обратили внимание на понравившийся всем высокий берёзовый колок, перед которым находилась глубоко вспаханная земля. Полосатое рыхлое препятствие явно добавляло этому небольшому лесочку определённую недоступность и, поэтому, ещё большую привлекательность. Для переправы на противоположную сторону, как минимум, нужна была непромокаемая высокая обувь. Половина нашей

компании оказалась без сапог, но, зато, вторая её часть с полным оптимизмом движения вперёд, увязая в мокрой перепаханной земле, перетащила всех желающих на этот жёлтый, из опавших листьев островок. Переправа происходила самым веселым образом. «Битый небитого несёт», - говорил В.Ф., вызывая взрыв смеха, от которого можно было потерять равновесие и шлёпнуться в глубокую мокрую борозду, как живое органическое удобрение. В этот момент все не только вспомнили детскую сказку «Лиса и Волк», но и почувствовали себя на месте её главных героев. Между тем, работала видеокамера, выхватывая особо ценные моменты нашего преодоления препятствия, фиксируя наши улыбки, от которых лес явно становился светлее, а воздух прозрачнее. Как бы не было хорошо на природе, но вторая составляющая часть пребывания на свежем воздухе - обед; и даже не обед, а особый ритуал у костра, в огне которого потрескивают дрова и мысли вместе с едким дымком легко и просто уносятся в неведомые дали. Появляется запах приготовленного шашлычного мяса, который хорошо вписывается в общее веселье с короткими тостами.

В.Ф. знал много народных песен. Особенность исполнения заключалась в том, что, закончив одну песню, он неожиданно и без всякой паузы громко запевал другую...

*Всё реже приезжаем мы сюда,*

*Где в двух озёрах отражаются дома.*

*Заглянем в гости: на погосте – тишина.*

*Зайдём к родне, друзьям; тогда*

*Поговорим о том, о сём. Вчера*

*Мне снился этот сон. Пора...*

*(январь 2023г)*

## Автомобиль – не только украшение

*Автомобиль – не только украшение.*

*Он, главное, - ума творенье.*

*Готовы в путь мы прямо от порога,*

Но, каждому, - своя дорога. Сегодня занимался автомобилем: проходил техосмотр и оформлял страховое свидетельство. На всё про всё ушло полтора часа. Вспомнил, как трудно было этим заниматься в Таскаеве. Для этого нужно было ехать в ближайший город Барабинск, чтобы с утра занять очередь в колонне машин на проверку технического состояния автомобиля, причём, оплата этой услуги производилась в почтовом отделении. Оформление страховки вообще было отдельной историей, так же требующей много

*времени и терпения.*

Бывало, что сами работники автоинспекции приезжали для этой цели в деревню. Площадь между школой и магазином заполнялась сверкающими чистотой автомобилями и мотоциклами. На это ответственное время все заинтересованные лица забывали текущие дела, вплоть до приёма спиртного, что тоже нарушало размеренную жизнь значительной части мужского населения деревни. Здесь важность происходящего отражалась на сосредоточенных лицах владельцев личного транспорта, по новизне и качеству которого можно было смело судить о социальной и личной значимости какого-нибудь шофёра, или тракториста. Люди в погонах, проверяющие состояние техники, были просто как инопланетяне, с которыми установить контакты было совсем непросто. Это было время использования капризной и ненадёжной советской техники, поэтому добиться того, чтобы всё в автомобиле горело и мигало, требовало ежедневного внимания и ухода, поэтому здесь же, во время осмотра, сообща устранялись мелкие неисправности. Неожиданно оказывалось, что не горит какая-нибудь лампочка, или пропал сигнал, поэтому приходилось на скорую руку тут же делать мелкий ремонт.

Техническое состояние некоторых мотоциклов было настолько запущенным, что на техосмотре они не появлялись, однако, это не значило, что на такой технике совсем нельзя было передвигаться. Однажды можно было наблюдать такую картину... По улице несётся мотоциклист, его движение перегораживает патрульная машина, милиционеры улыбаются, думая, что поймали нарушителя; а тот несётся на них – у него тормоза отказали – и громко кричит: «Уходи! Уходи!» - и машет рукой, показывая, куда им бежать. Ну, ясное дело, гаишники не стали создавать аварийную ситуацию: быстро освободили проезжую часть дороги, и даже поинтересовались у прохожих, знают ли они этого парня.

А вот д. Володя Т. тоже любил в минуты веселья прокатить по деревни голосистую хмельную женскую компанию, но, при этом, его большой мотоцикл всегда был в образцовом состоянии. Во время прохождения техосмотра сельчане всегда с любопытством подходили к его мотоциклу, и убеждались, что старая техника может быть лучше новой, но больше всего они в каждой чистой и отлаженной детали видели завидную основательность и надёжность самого хозяина. (09.12.2022.)

## На танке

*Армия, танки, любовь напролёт,  
Работа, хозяйство, признание, почёт,  
Гармонь, самогон и душевный полёт, -  
Мелькает один за другим поворот...  
Д*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.